П29
34

31-32

П. 349.

ПИОНЕРИЯ ДОНБАССА -НА ШТУРМ ЗА УГОЛЬ!

ПИОНЕР

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ" 1930

Мы против прорывов
восстали.
За урожай
на полях.
За крепкие полосы
стали,
За черные тонны
угля.

Сегодня в „Пионере“

ОГЛАВЛЕНИЯ НЕТ

Номер, посвященный ликвидации прорыва на Донбассе, составлен по материалам выездной редакции в составе тт. ***П. Лопатина, Л. Бочина и М. Соловейчика.***

Иллюстрировали номер художники ***В. Константинов, С. Поманский, Мих. Лузгин, В. Пименов, В. Мазрухо, Л. Смехов и др.***

Обложка худ. ***В. Константинова.***

Оформление номера ***Л. Волкова-Ланнит.***

ГПБ на обяз. экз.
Центр 1931 год
акт № 4807

НОЯБРЬ

№ 31
32

Адрес редакции:
Москва, Центр, Новая пл., 6.

Условия подписки:
36 номеров на год — 3 р.,
6 м. — 1 р. 60 к., 3 м. — 85 коп.,
1 м. — 30 коп.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ПИОНЕР

БОЕВОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

ФРОНТ ПОД ЗЕМЛЕЙ

КРАСНОЗВЕЗДНАЯ

НАЙДИТЕ на карте Харьков и по железнодорожной линии спуститесь к Луганску. Не доезжая Луганска — станция Алчевск. Здесь круглая точка—город. У вокзала берете линейку и едете к юго-западу. По пути проезжаете Павловку. Если извозчик разговорчивый, то мимо Павловки он поднимет кнут по направлению к развалинам:

— Это Павловские рудники. Их в гражданскую войну затопили.

Через полчаса, взобравшись на гору, глазами горожан пожираем картину кадиевского гиганта— шахты „Ильич". На шахте свыше 3 000 рабочих. Шахта выполнила план второго года пятилетки на 101%, за что и получила красную звезду. Красная звезда по ночам извещает о большевистских темпах работы.

— Краснозвездная, — называют шахту рабочие.

В октябре начался ударный квартал. На первую декаду октября шахта получила задание добыть уголь в 13 760 тонн плюс механизированной добычей 5 300 тонн.

Выполнено по заданию 11 681 тонна — 84,8%.

По механизированной добыче 2 116 тонн — 49,9%.

Красная звезда не зажигалась.

ОПЯТЬ НЕДОДАЛИ

Шахта „Ильич" — должник. Она недодает государству тысячи тонн угля.

Рабочий, поднимаясь с забоя на-гора (наверх), возмущенно кричит:

— Звезда не горит! Опять недодали! Прорыв! Да я уже перевыполнил!

Первая декада закончилась прорывом. Долг надо отдать во второй декаде. Ликвидировать прорыв во что бы то ни стало.

Напрягались мускулы. Громче заговорили плакаты и лозунги заводских стен. Резче и призывней заголовки заводской многотиражки „Обушок". Но на шахте — темное потухшее пятно.

„В наших рядах нашлись еще такие, которые являются тормозом, тянут кривую добычи вниз, являются темным пятном на совести всех рабочих.

В октябре, у начала второй декады, не вышли следующие коногоны:

№ 3127 — Безумов, „Кверш".
№ 3571 — Кадницкий, „Кверш".
№ 3468 — Тополов, „Берала".
№ 3491 — Захаркин, „Камен. П.".
№ 3764 — Макеев, „Атаман I восток".
№ 3483 — Анцупов, „Атаман II запад".
№ 3442 — Алексеев, „Атаман II запад".

„Кверш", „Берал", „Атаман" — угольные пласты.

Коногоны — часть конвейера податочного механизма угля на-гора из шахт.

Коногоны прогуляли и добытый уголь остался в земле. Забойщики, у которых не забирается добытый уголь, не могут нормально работать. Понижается производительность труда.

Рабочий пишет жалобу:

„На пласте „Атаман II запад" из-за недостатка консгонов и порожняка (свободных вагонеток) не выбирается из лав уголь, который задерживает всю подготовительную работу в лавах".

Так начинается прорыв.

СПЯТ В ШАХТАХ

„Работа не медведь — в лес не убежит" — это лозунг, под которым собираются все, кому лень работать.

Прорыв продолжается.

В ночь на 11/X среди семи рабочих в шахте спал сам десятник.

Темпы не усиливают такие, как коногон Конев, который заехал в другой пласт и заснул.

Прорыв не будет ликвидирован, если будет продолжаться поголовная спячка лесогонов и летельщиков, которых разбудила комсомольская бригада 10/X на пласте „Берала запад".

Центральное бюро пионеров Украины прислало директиву о разведении кроликов в момент напряженнейшей борьбы за уголь.

Вожатый Гайдученко, стуча кулаком по стулу, обвиняет учком в головотяпстве, а когда надо приступить к работе — умолкает.

Учителя прорабатывают уроки угольного прорыва и мобилизуют школьников, как бюрократы:

— Ребята, вы знаете о прорыве?

— Да, знаем.

— Ну, так помните!

ВОТ ЧТО ДЕЛАЮТ ПИОНЕРЫ

КАДИЕВСКИЙ РАЙОН: *рабочие.*

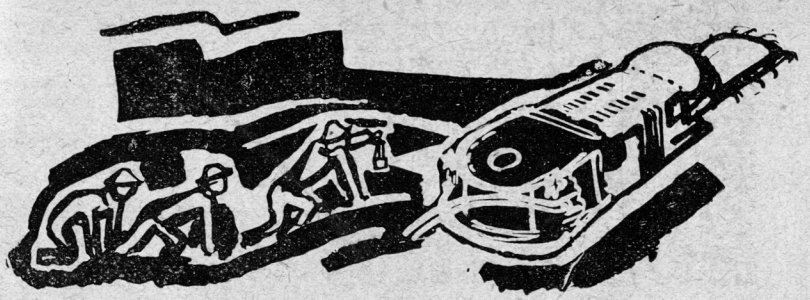
1. Стране Донбасс должен 4 667 тыс. тонн угля (выполнено 90,5%).
2. На шахте „Ильич" за первую декаду недодано угля 16,2% и механизированной добычи 50,1%.
3. Партячейка и рабочие шахты „Ильич" считают план добычи угля выполнимым, реальным и даже находят возможность превысить его.
4. Рабочие, шахтеры, коммунисты, комсомольцы борются за каждую тонну. Шахтком снимает с работы шахтеров и десятников лодырей, рвачей. Устраивают суды над прогульщиками.

КАДИЕВСКИЙ РАЙОН: *пионеры.*

1. От украинского ЦБ ЮП получена директива о разведении кроликов, о ликбезе, о переучете.
2. Отряды шахты „Ильич":
   № 1 — подготовка к Октябрю.
   № 2 — то же самое
   № 3 „ „ „
   № 4 „ „ „
   № 5 „ „ „
   № 6 „ „ „
3. Учителя в школе-семилетке при шахте „Ильич" говорят ребятам: „Планы и программа у нас большие — не справимся".
4. На уроке по обществоведению:
   Учитель. Шахта вышла к третьему году с превышением.
   Ученики. А как же прорыв? Стране нехватает угля?
   Учитель. Этот прорыв для страны не имеет значения.

ПЕРЕДОВИКИ

6	октября	. . . 77,2%
7	»	. . . 75,2%
8	»	. . . 98,2%
9	»	. . . 87,6%
10	»	. . . 101,6%



ЭТО — добыча Каменского 3-го пласта шахты „Ильич". Здесь передовики-рабочие Зарубин, Панов и много разнофамильцев под именем „рабочие шахты „Ильич" Каменского 3-го пласта" были премированы. Здесь знают, что достигнутые 101,6% должны быть закреплены. Коногоны не спят. Здесь — большевистский темп и все отвечают за шахту.

10 октября конец первой декады. Шахта „Ильич" отстает. Но не все шахтеры. Многим честь, рабочая слава шахты дороже премии. И когда цифры превышают 100%, нет людей счастливее превысивших. Их усилиями зажглась красная звезда. Многие уверяют, что красная звезда скоро уйдет с „Ильича".

— Жить не дает нам звезда! — говорят в округе.

— Не отдадим звезду! — говорят ильичевцы.

ЗВЕЗДА ГАСНЕТ

По мере того как чаще стала гаснуть на шахте звезда, чаще стали создаваться ударные бригады, строже проверяться договор соцсоревнования.

Пласт „Атаман I восток" шахты „Ильич" объявил себя мобилизованным.

— Мы должны дать в октябре 500 тонн угля. Это — наш шахтерский долг перед страной, — заявляют рабочие. Дан приказ:

Врубовкам, конвейерам и бромсбергам — работать как часы!

Шахтоуправлению — провести конвейерный ходок. Снабдить рабочих инструментами.

Приказ подписали:

Крепильщик — Коликов, контрдесятник — Олейников, десятник — Гамаюнов, десятник — Мирошниченко, забойщик — Касьянов, забойщик — Мальцев.

„Команда дана! Ни шагу назад!"

Это — последние слова приказа.

Но этих людей мало. Кадровики обратились с письмом к товарищам:

„Мы, кадровики, болеющие душой за каждую тонну угля, зовем всех трудящихся механизированного пласта не отступать от октябрьского задания. Время слов прошло, от каждого техника, от каждого трудящегося требуется напряжение и темп. Мы все в ответе за добычу. Новые кадровые рабочие, которых на нашем пласту много, должны равняться по кадровикам. Кадровики должны окружить их вниманием и поддержкой".

Так лучшая часть рабочих передает свои традиции новичкам.

БЫТЬ В КОММУНЕ — ЗНАЧИТ НЕ ПРОГУЛИВАТЬ

В шахте старший десятник дает задание рабочим, принимает работу, отвечает за темпы своих рабочих. Но вот удивительно. Шахта № 1 Криворожия. Шахта № 6 Максимовки. Шахта № 12 Брянска. В бригаде 20 человек, 14 человек, 10 человек и т. д. — и нет десятника. Нет старшего. Все старшие.

У десятника одни вырабатывают 200 руб., другие 60 руб.

В бригаде все поровну.

У десятника есть прогульщики. А у бригады?

— **Были у нас 2 прогульщика — Биев и Мартынов, но им сказали, что быть в коммуне — значит не прогуливать,** — рассказывает тов. Кусков.

Бригада — коммуна. **Председатель распределяет работу, заработок поровну.** И жизнь кипит не на шахте по-другому. Эту жизнь вымеряют процентами.

Шахта № 6. Август — 120%. Сентябрь — 109% — прогула ни одного. Шахта № 1 — Криворожье. С 1 по 15 октября 120% — прогула ни одного.

Шахта № 1 — бис.

Коммуна Шверника выполнила задание на 135%.
„ Буденного „ „ „ 122%.
„ Сталина „ „ „ 120%.

Прогулов не было. Опыт проверен. Задание правительства не только выполнимо, но и перевыполнимо.

ПРОЛЕТАРСКИЙ СУД

Прогульщикам и лодырям — жестокая война. Донбасс — фронтовая полоса. Фронт — забои в шахте. Прогульщик — дезертир с фронта.

На шахте „Ильич" заседание производственного трибунала. Трибунал зачитывает обвинительный акт. *Сытников, рабочий № 362, прогулял 7—8—9—11. Бухтиаров, рабочий № 547, прогулял 7—8—9—10—11. Пурин, рабочий № 3229, прогулял 4—6—8—9—11. Четкин, рабочий № 3112, прогулял с 1 по 8 октября. Колпаков, рабочий № 6707, прогулял — в дни прорыва ушел с производства.*

ПРИГОВОР ШАХТЫ „ИЛЬИЧ"

„Дезертируя с трудового фронта, вышеуказанные лица своим поведением тормозят строительство социализма, в частности выполнение промфинплана на нашей шахте. Общественный трибунал приговорил Сытникова, Бухтиарова, Пурина, Четкина и Колпакова снять с работы, исключить из членов союза горняков, выселить из квартиры в 24 часа, лишить права получения промтоваров и продуктов питания за дезертирство с трудового фронта в момент угольного прорыва и за прогулы без уважительных причин".

ПИОНЕРЫ, НА-ГОРА!

Пионеры, разве вы допустите, чтобы потухла звезда на „Ильиче"? Нет!

21 октября — беседа в учкоме о прорыве.

22 октября — заседание учкома. Повестка — угольный прорыв.

23 октября — занялись приготовлением лозунгов. К утру они извещают школу о прорыве.

Поздно? Да. Но чувство мобилизуется. Медленно, тяжело проходит поворот школы и пионеров.

В 12 часов — летучий митинг. На сцене лозунг:

В школе прорыв! Стыдно!

Рабочий шахты знакомит с положением. Создан штаб. Группа пикетчиков. Оперативный подштаб.

В 2 часа заседание штаба.

К 3 часам группы разбиты на участки.

К 4 часам штаб на шахте распределяет место. Точно установлены дежурства.

24 октября первая партия пионеров выступает на штурм за уголь. Отряды в 30 человек школьников и пионеров двигаются на казармы, на столовые, к подъемным машинам.

На шахте „Ильич" прорыв не ликвидирован.

Сигнал дан.

Пионеры, на-гора!

Мы должны, наконец, покончить с варварским отношением к механизмам в Донбассе. Мы должны сделать прочной привычкой рабочих и специалистов Донбасса чуткую заботливость к механическому оборудованию. Сурово карая злостных вредителей ценнейших для горнорабочего машин, мы должны на деле поставить полностью на службу пролетарскому государству имеющиеся в угольной промышленности механизмы

Тов. МОЛОТОВ («Правда» № 271, 1930 г.)

ПИОНЕРЫ ИДУТ!

ЭТИ гиганты — два разных мира. У обоих имеется анкета прошлого и настоящего. В обоих гигантах живут и работают рабочие и дети рабочих. Но оба гиганта друг друга не знают. Даже единственная в городе широкая мощеная дорога не помогала их сближению.

Вот анкета первого:

1. Имя — шахта „Ильич".

2. Местонахождение — Кадиевка, быв. Луганский округ УССР.

3. Число жителей — больше 3000 рабочих.

4. Профессия — горнопромышленная. Преимущественно добыча угля.

5. Ваши заслуги ко 2-му году пятилетки: награждены орденом Красной звезды за перевыполнение промфинплана по добыче угля.

6. Ваше участие в социалистическом строительстве после 2-го года пятилетки: за 20 дней октября должны дать стране 31 920 тонн угля. Недодали за этот срок 6 996 тонн угля.

Вот анкета второго гиганта:

1. Имя — база пионеров, школа-семилетка.

2. Местонахождение — шахта „Ильич".

3. Число жителей — свыше 1000 человек.

4. Профессия — составление громких резолюций, митинговщина, преимущественно безделье.

5. Ваши заслуги ко 2-му году пятилетки: развалили пионерские отряды (из 300 человек осталось 15). Не слыхали о политехнизме. Ни разу не были на шахте. Учком ни разу не собрался.

6. Ваше участие в социалистическом строительстве после 2-го года пятилетки: с опозданием взялись за ликвидацию прорыва в школе.

„МЫ ПРИВЫКЛИ К ЗАСЕДАНИЯМ"

Случайная наша встреча с учкомом была в помещении школы. У канцелярии группа ребят.

Старшая ученица. Не собрались опять.

Младшая ученица. Надоело работать. Волынка.

Ученик. Не пришло 5 учкомовцев.

Старшая ученица (смеется). Буза. Давайте опять перенесем заседание учкома.

Когда участь учкома была решена, мы подошли.

— Вы учкомовцы?

— Да!

— Во сколько назначено собрание учкома?

— В 4 часа.

Смотрим на часы. Уже седьмой час. Из этой встречи мы выяснили, что учком и кружки не работают, о прорыве только „когда-то слыхали", о цифрах ничего не знают.

Ребята вместе с нами подвели итог:

— Школа — оторванный мир от шахты. Пионерская база — развалина.

Но никто не знал, как надо работать. Все боялись работы, боялись рабочих.

Почему?

— Мы привыкли к заседаниям.

МОБИЛИЗАЦИЯ

22 октября в школе висел лозунг:

В ШКОЛЕ ПРОРЫВ!
СТЫДНО!!!

Этот лозунг висел над президиумом, который был выбран здесь же на митинге. Митинг разбирал вопросы:

1. Об угольном прорыве — докладчик рабочий-шахтер.

2. Утверждение штаба по проведению штурма.

Зал полон. 400 учеников стоя ловят слова докладчика. Рабочий рассказывает о прорыве, о недостатках, о безобразиях. Цифры иллюстрируют, как медленно и постепенно шахта „Ильич" теряла большевистские темпы. Рабочий просит помощи у школьников, у пионеров.

Ответ был дан тут же:

— Ученики седьмой группы берут шефство над недостатками и вызывают учителей.

— Берем шефство над механизацией. Прикрепляемся к ремонтным мастерским.

— Берем... над... столовой...

— ...над казармой...

На митинге все клялись, обещали... Хлопали в ладоши...

Учком вынес проект штаба.

Выбирали в президиум штаба...

Выбирали в пикетный подштаб...

Выбирали в оперативный подштаб.

ПАНИКА

Когда был брошен вызов, закружилась у ребят голова от работы, которую можно сделать. Хотели за все взяться. Хотели прямо с голыми руками спускаться в шахту. Школу агитировали. Ребятам разъяснили. На утро по классам объявили:

— Группы 7 „г" и 7 „д" — ответственные Добриков и Запаснин.

Вы берете на себя дежурство при нарядах. Наряд — это время, когда подземные рабочие поднимаются на-гора и вторая смена идет на работу. Дежурные тут же через рабочих выясняют недостатки, которые мешали добыче угля.

Группы 5„а" и 6 „б" — ответственные Малиновская и Стоянович. Ребята прикрепляются к шахтерской газете-многотиражке „Обушок". Вместе с редакцией проводят заочное производственное совещание.

Группа 6 „д" — ответственная Пташникова. Группа работает в казарме мобилизованных батраков и комсомольцев.

Нашлись дезертиры, отказывающиеся работать, вместо дежурства — в кино.

— Ученики требуют организации курсов для подхода к рабочим...

— Там сорвали...

— Здесь не поспели...

— Тут плохо...

В штабе паника. Ребята растерялись. Оказывается, работать труднее, чем митинговать.

СИЛЫ НАШЛИСЬ

Искали причин паники. Они нашлись, как и ошибки.

Сделали расстановку сил. Точно установили работу каждой группы и распределили ее между ребятами. Каждый знал, в какое время, в каком месте что он должен делать.

— Надо так усвоить работу, — говорили в штабе, — чтобы любой в любое время дня и ночи смог твердо ответить, где и какую работу он взялся проводить.

Президиум штаба руководит всей работой. Члены президиума прикреплены.

Пикетный подштаб — 5 человек. Каждый пикетчик дежурит в шахткоме и разводит ребят на дежурства. Ребята дежурят у копра — где подъем и спуск шахтеров, у ламповой — где прием и выдача лампочек, и в нарядной — где получают наряд на работу.

Суханов (из президиума штаба) прикреплен к оперативному подштабу.

Каждый оперативщик отвечает за работу класса. Класс под руководством оперативщика распределяет работу между ребятами. Член оперативного подштаба проводит в школе всю агитационно-подготовительную работу.

Дежурным у наряда были разработаны рапорты. Это облегчило работу ребятам. Вот форма учета:

СВОДКА ДЕЖУРНОГО У НАРЯДА

1. Группа нарядчиков: Бронникова и Пташникова.
2. Смена: 23 октября с 12 до 2 час дня.
3. Опрос.

№№ п/п.	Фамилия и № рабочего	Пласт	Что указано	Что сделано
1	Иванчук 4150	Атаман 1-й Восточн.	1. Нехватает порожняка. 2. Лошади работают по 24 час. без воздуха. 3. Комсомолец Петренко спал на работе.	1. Шахткомом приняты меры. Порожняк завтра будет. 2. Десятник по движению привлечен к ответственности. 3. Ячейка ВЛКСМ 25/X вызвала Петренко на бюро.

Дежурные у наряда: Бронникова
Пташникова

„АКАДЕМИКИ"

Надо было нарисовать карикатуры на прогульщиков, подготовить карнавал лодырей и прогульщиков, сделать карикатуры на недостатки, на старые привычки.

— Где ИЗО?

— ИЗО не работает, так как нет кампании.

— Где драмкружок?

— Драмкружок готовит только академические темы.

Эти безусые академики как крысы заблудились в старой юбке и не могут с чердака спуститься на передовые позиции.

Штаб постановил:

— Перестроить работу. Кинуть силы на ликвидацию прорыва.

ВЫЗОВ

Бригада журнала „Пионер“ считает, что кадиевская школа-семилетка, отстав от темпов строительства, замкнувшись в рамках старой словесной школы, не успела перестроиться лицом к угольному прорыву. Пионерская база вместо помощи школе плелась в хвосте. Школа и пионерская база сознали ошибки и сумели быстро перестроить свои ряды. Теперь надо закрепить свои позиции. Надо окопаться достижениями и опытом, как окопами на фронте. Надо повести на общественном буксире другие отстающие районы.

Кадиевская школа-семилетка и база пионеров обязаны взять на себя сбор 1 500 предложений шахтеров по рационализации и механизации шахты „Ильич“.

Школа-семилетка и база пионеров должны создать бригаду в 50 человек для работы в шахте по очистке путей на штреках из ребят 16 и 17 лет, учеников 7-х групп.

Школа-семилетка и база пионеров должны создать 4 бригады из учащихся 6-х групп для работы на поверхности и этим освободить от работы на поверхности для работы в лавах и забоях не менее 40 взрослых рабочих.

Заключить не менее 1 000 договоров с родителями и завербовать из них ударников.

Организовать уголки по технике безопасности в 20 казармах. В каждой казарме провести не менее 3 бесед инженеров по технике безопасности.

К 1 января, к концу ударного квартала, организовать вседонбасскую эстафету пионерских дел. Газете „На змину“ взять на себя руководство этой эстафетой.

Это минимум того, что могут сделать школа-семилетка и база пионеров к 1 января 1931 года.

ИНЖЕНЕРЫ И ТЕХНИКИ!

ПУТЬ НАШ ОДИН.

ПЛОХОЮ РАБОТОЮ

КАШИ НЕ СВАРИШЬ.

ЗНАЙТЕ,

ЧТО ТОТ ЛИШЬ

НАСТОЯЩИЙ ГРАЖДАНИН,

КТО НАМ,

БОЛЬШЕВИКАМ,

ТОВАРИЩ.

НА-ГОРА!

МОСКВИЧУ кажется, что самое трудное дело — это перенести спуск в шахту.

Уже за два дня до назначенного часа москвич начинает предугадывать все неприятности, которые непременно будут сопровождать его. Он рисует в своем воображении стремительный полет вниз, со свистом, с ударами о стенки ствола.

Другое дело — шахтер.

Он знает, что только внизу, выйдя из клетки, он столкнется с самым трудным. Тут, внизу, по лабиринтам путанных ходов, от лавы и до ствола шахты, на протяжении трех-четырех километров лежит трудный путь „добычи".

Вот почему шахтер обрушивается тяжелой руганью на каждую неполадку, уйму которых он встречает на своем пути в глубь штрека. Вот почему, грозно размахивая лампой, он набрасывается на коногона, который не спешит с подвозкой партии угля к стволу. Вот почему он так сердито трясет молодого шахтера, который, скрыв свою лампу за балку парочки, бессовестно спит. Вот почему, придя под забой, видя неимоверные усилия соседа-забойщика, шахтер тепло и деловито спрашивает.

— Ну, как, браток, рубаишь?..

Шахтер, встретив на штреке партию, жадно запускает руку в первую вагонетку и, заграбастав горсть угля, долго растирает ее на ладони. Жирный уголь!

Штрек нельзя увидеть сразу весь, на протяжении трех-четырех километров. Можно видеть только кусочек, схваченный светом тусклой лампы.

Препятствия встают из темноты спящим разгильдяем; неисправными рельсовыми путями, на которых то-и-дело бурятся вагоны с грузом; неубранной во-время парочкой, о которую режется лошадь; заброшенной кладью старого крепильного леса, который мешает движению по штреку; вагонеткой, вредительски перекувыркнутой на грузовой путь; беспомощно стоящими электровозами, которые „почему-то" были пущены друг другу навстречу и сцепились поэтому на узком перехвате штрека.

Сегодня шахтер после напряженной шестичасовой работы с тяжелым чувством вошел в клеть и крякнул сурово:

— На-гора!

Уйму вагонов угля недодал его пласт за смену.

— На-гора!

Дробно погромыхивая, мягкими неощутимыми скачками идет клеть наверх.

— На-гора!

— Ни кроку назад! За повне выкопания промфінплану!

Уллічівці повынні за всяку ціну виконати свое обіцяння, дане ЦК партії!

РЕДАКТОР В СПЕЦОВКЕ

Спецовку лучше всего натягивать на голое тело. Спецовка пахнет углем. Это очень успокаивает и делает спуск в неизвестную, а поэтому и страшную шахту — простым, обыкновенным, деловым.

Редактор „Обушка"[1] тов. Бахрин становится почти неузнаваем. Он—вчерашний шахтер и спецовка ему по плечу.

Бахтин сам сопровождает нас. Меня даже удивляет, как это человек, который с утра без отдыха работал над подготовкой номера газеты, затем с пяти до десяти часов вечера сидел на курсах подготовки в вуз (он готовится в Плехановский институт), сейчас спускается с нами в шахту, чтобы завтра, после ночи в шахте, биться без отдыха над выпуском „Обушка".

Он казался только провожатым и поэтому я самым бессовестным образом ошибся! Я не заметил, что с нами спускается не просто Бахтин, не просто провожатый, а хозяин шахты, один из тех, которые в три смены наполняют сверху донизу все пласты.

Я увидел свою ошибку, как только клеть выбросила нас на глубину 430 метров.

— Почему не работают электровозы? — рубит он.

Двигаемся дальше.

— Стой!—полушопотом бросает он и, пригнувшись, бежит вперед.

[1] Многотиражная газета рабочих и служащих шахты „Ильич".

Что случилось? Дьявольская, давящая на уши тишина. Тишина и темь.

Бахтин возвращается. Я не думал, что этот мягкий на поверхности человек здесь, в шахте, может клокотать тяжелой руганью шахтера.

— Сволочи! Спят коногоны. Чуть отойдут вглубь — лампы в вагоны и спать!

Штрек снижается. Мы чувствуем только неудобство передвижения и грязь. Бахтин чувствует другое.

Он обрушивается на людей, которые отвечают за состояние пути. Своей деловитостью, вниманием он заставляет их быть расторопней. Где это не действует,— вынимает заугленный клок бумаги и выцарапывает рабочий номер разгильдяя.

— Стоп, ребята!

Наши лампы освещают вагонетку, перекувыркнутую на грузовой путь.

— Это вредительство! Сейчас пойдет партия. Тут спуск. Вот сволочи! Лошадь зарежут.

Мы вагонетку ставим в сторону.

По существу, мы уже забыли, что съехали сюда гостями, экскурсантами. Тут нужна каждая пара рук и просто преступно разгуливать гостем! Мы уже не замечаем, сколько вагонов поставлено нами на путь, мы не замечаем, как копаемся, отводя тяжелые вагоны с гольком назад от сцепившихся электровозов.

Бахтин рад, что избавился от роли провожатого. Ускорять подачу угля, бить разгильдяя, вредителя, злую неполадку спустился сюда Бахтин.

После четырехчасового пребывания на „Атамане“ Бахтин зол.

— Плохо подают! Есть еще сволочи!

— Ну как, браток?

Встречаясь, шахтеры поднимают свои лампы на уровень лица и тщательно всматриваются друг в друга.

Сегодня в ночь Бахтин особенно тщательно подносил свой вольфа к лицу каждого встречного.

— Ну как, браток?

У шахтера виновато сверкают белки глаз и такие же белые рядки зубов.

— Сегодня плохо! Задание не выполнили...

Подошла клеть и сердито грохнула, став на кронштейны.

— Айда, братки, на-гора.

Теперь москвичу стало ясным, что самое тяжелое — это не опускаться, а подыматься в клети. И не оттого, что захватывает дух и дурнота подступает ко рту. Тяжело, потому что за часы пребывания на „Атамане“ мы поняли, какою ценой добывается каждая тонна угля, как бьются все, кто знает цену каждой тонны угля для строящегося социализма.

В ЦАРСТВЕ МЕРТВЫХ МУХ

Вокруг рудника, на затянутых черной угольной пылью холмах налипли шахтерские колонии, — тут и дряблые „доисторические“ хибары-мазанки, тут и новые, с еще не успевшей выцвести черепицей крыш, дома-коммуны.

Это — Кадиевка. Неизмеримые подъемные пространства шахты „Ильич“. От рудника и коксо-бензольного завода в гору идет центральная Кооперативная улица. И как раз на ее противоположном конце возвышается серое здание кадиевской семилетки.

Из окон школы как на ладони видны перископ, копер и коксовые печи шахты „Ильич“. Даже больше — в школе почти слышна тяжелая потуга „паровой“. И в то же время школа — это царство мертвых мух. 1 200 человек ребят, отцы которых шахтерят на „Ильиче“, загнаны в коробку школы — даже не чувствуют, что они вместе со всеми отвечают за свою шахту, за полный план добычи.

Это удивительные мухи, которых не пугает даже своя собственная смерть!

Задаем вопрос одной из учениц школы:

— Где работает отец?

— На шахте „Ильич“.

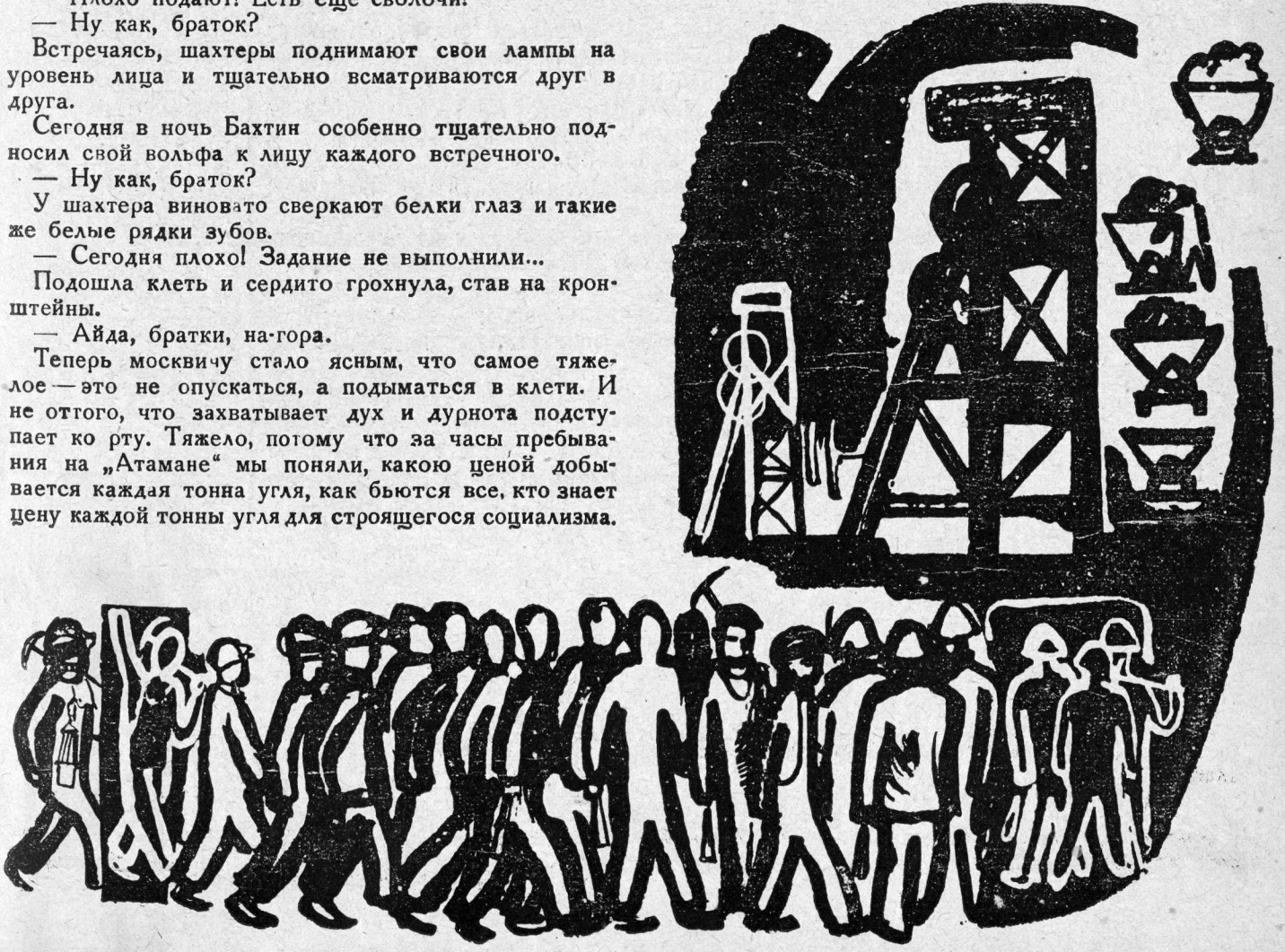
— На каком пласту работает?

— Не знаю.

— Он ударник или злостный прогульщик?

— Не знаю.

Ученица совсем теряется. Она не только ничего не знает о шахте „Ильич“, но даже не знает, как участвует ее отец в борьбе за уголь.



И никто из ребят не ответил на вопрос, какое задание на ударный квартал имеет Донецкий бассейн, Кадиевка и шахта „Ильич".

Кто же виноват в том, что ребята ничего не знают о шахте, не участвуют в борьбе за уголь?

Почему разбежалась база?

На школу не повлияли ни обращение ЦК ВКП (б), ни прорыв на шахте „Ильич".

В школе „проживает" пионерская база шахты „Ильич". Уж она-то наверняка что-нибудь делает. Во всяком случае обязана что-то делать.

По сведениям вожатого базы, база состоит из 250 пионеров. Работает в казармах, в столовой, спускались в шахту. Работа идет очень хорошо.

По сведениям райбюро, в базе 150 пионеров. База — больное место района.

По сведениям пионеров, которые не отличимы от школьников, база совсем не работает. На сборы собирается 15—20 человек. И в шахту не спускались.

Одним словом, ничего нет. Как может такая база руководить школой, заставить школу итти на шахту, на ликвидацию прорыва, когда база постановила:

„Предложить учкому развернуть вербовку в пионерорганизацию".

База оттого и разбежалась, что плелась в хвосте событий.

Вот почему ребята привыкли без боли относиться к развивающемуся прорыву на шахте „Ильич", вот почему их сегодня уже не так легко поднять на борьбу за уголь.

Вот почему журнал „Пионер" перед лицом всей пионерской организации, перед лицом всех горняцких, всех трудящихся детей Советского Союза обязан прочесть обвинительный акт третьему поколению шахтеров Кадиевки.

Дело юных шахтеров Кадиевки — по-боевому, делом ответить на обвинительный акт.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

ПИОНЕРСКАЯ база шахты „Ильич" и школа-семилетка Кадиевского района.

ОБВИНЯЮТСЯ в дезертирстве с трудового фронта в момент угольного прорыва на шахте „Ильич", когда заводы и фабрики необъятных фронтов социалистической стройки требуют угля.

ПОЗОР! **ПИОНЕРСКАЯ** база и школа забыли, что они вместе со всеми шахтерами отвечают за выполнение плана „добычи" шахты „Ильич". **ОБВИНЯЕМ!**

ПИОНЕРСКАЯ база и школа прозевали работу по приему прибывающих в Кадиевку завербованных батраков и мобилизованных рабочих и комсомольцев.

ПИОНЕРСКАЯ база и школа **НЕ** мобилизовали себя на борьбу с дезертирами, прогульщиками и разгильдяями на шахте.

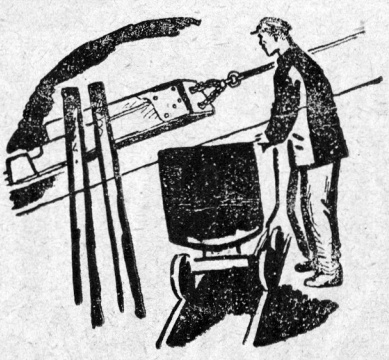
ПОЗОР! **ПИОНЕРСКАЯ** база и школа **НЕ** включились в борьбу с „технеполадкой", с преступным отношением к механизмам в шахте. **ОБВИНЯЕМ!**

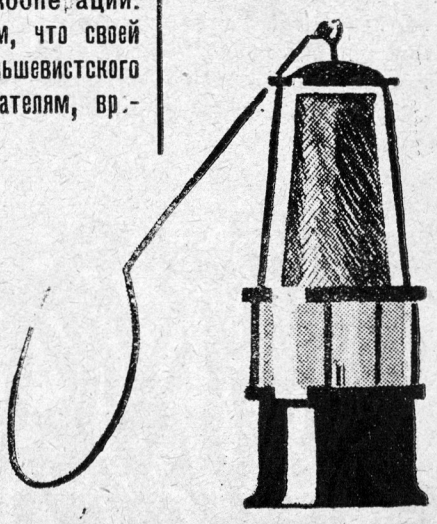
ПИОНЕРСКАЯ база и школа **НЕ** вербовали из числа своих родителей-ударников, **НЕ** провели работы по самозакреплению шахтеров до конца пятилетки.

ПИОНЕРСКАЯ база и школьники **НЕ** боролись за быстрейшую перестройку школы на рельсы политехнизма, не добивались приближения школы к шахте. **ПОЗОР!** **ОБВИНЯЕМ!**

ПИОНЕРСКАЯ база и школа **НЕ** взяли на себя контроль над работой подсобных цехов шахты—столовой и кооперации.

Пионерская база и школа Кадиевки обвиняются в том, что своей преступной бездеятельностью, дезертирством с фронта большевистского угольного штурма действовали на-руку оппортунистам, предателям, вредителям, всем врагам рабочего класса.





За дверью послышался тихий шорох. Кто-то медленно приоткрыл дверь. Рука неизвестного пошарила по косяку. Затем осторожно просунулась нога в рыжем ботинке. Ботинок был маленький, почти детский. Рука медленно толкала дверь. Что-то красное мелькнуло в щелку. Дверь распахнулась, и в редакцию вошел второй ботинок. Выше — черные чулки, коротние штаны, защитного цвета распахнутая куртка, красный галстук и возбужденное лицо. В левой руке — небольшой сверток.

Посетитель внимательно осмотрел всех присутствующих и спросил:

— Редактор „Пионера“ здесь? Можно с ним поговорить?

— К сожалению, самого редактора сейчас нет. Может быть мы вам сможем чем-нибудь помочь? Присаживайтесь.

Посетитель положил сверток на стол, снял кепку.

— Зовут меня Гриша Сельский. Мы вот с Чижиком поспорили...— начал он.

— С каким чижиком?

— Да нет, это не птица. Этот самый настоящий. Товарищ у меня, Чижов по фамилии. Живет сейчас на Донбассе. Мы в отряде Чижиком его прозвали.

— А-а! Так что же у вас с ним произошло?

— Поспорили мы с ним о Донбассе. О машинах и рабочих. Вы все-таки лучше прочтите.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

ГРИША, *сельский житель, здорово!*

Почему не пишешь? Как Цапля и Лысый? Дружно ли живут ребята?

В нашем отряде 27 человек. Вожатый — парень хороший. Ребята тоже. Недавно ездили в лагеря. Скоро в школу. Учиться пока не охота.

Так все было бы хорошо, только на шахтах неважно. Подкачали наши горняки. Многие удирают в деревню и не хотят больше возвращаться. С шамовкой плохо. Постоянные рабочие, которые все время живут здесь, тоже нос по ветру воротят. Говорят, что теперь можно уйти, куда хочешь, везде рабочие руки нужны.

Дядя Вася уже третий день не выходит на работу. Все пьет. На-днях пришел совсем полоумный, кинулся бить бабку, стал кокать чашки об пол. Насилу его утихомирили. Он все хочет уйти с шахты. На завод. Говорит, там больше платят.

Наш вожатый, Коля Веселов, прочел беседу об угле и неполадках в добыче. Говорил о машинах. Не жалеют у нас машин. Мнут ее и ломают. Недавно рассказывали: в дяди Васиной шахте машина больше суток простояла без дела. А на нее сверху вода капает. Течет и течет. Все три смены так простояла. И ни одна смена не укрыла ее. Все отмахиваются: „Что нам о ней заботиться, не наша она. Жалко что ли, пусть мокнет. Следующая смена укроет“. Так стояла машина сутки. А на нее все капает и капает.

А машин у нас и без того не густо. Коля Веселов говорил, что только механизация помогает дать стране уголь. Но все рабочие расшатались. Даже комсомольцы. Недавно в восьмой шахте, на третьем бремсберге, заснул комсомолец. Фамилия ему Телегин. Когда ему техник сказал: «Что ж ты на работе спишь?» изругался Телегин и ляпнул: «А тебе какое дело?» И так многие.

Очень много под землей комсомольцев, которые совсем не умеют рвать уголь. Их никто не учит. Полагается им учения два месяца. А вот комсомольцы с шахты „Иван № 20“ жаловались на то, что им дали сроку для обучения только два дня. Они, конечно, заплутались в работе. Одному отдавило ногу. Другой раздробил себе два пальца. Дело плохо. Угробят так ребят.

Гриша, нельзя ли там в Москве поднять бузу, чтобы обратили на эти нехорошие дела внимание. Пусть притянут кого нужно к ответу. Рабочего берегут здесь плохо. В двадцать третьей шахте одного забойщика придавило большой глыбой к конвейеру. Другие шахтеры хотели остановить конвейер, но помощник зав. шахтой, Гречишкин, сказал им:

— Пусть качает, ничего ему не будет. Их здесь много.

Наш отряд написал протест и послал его в газету. Почему таких гадов держат на советской службе? Пусть катятся себе колбаской. Мы и без них обойдемся. Еще даже лучше. У нас и без них не любят работать с механизмами. Привыкли вручную. В Макеевке знаешь сколько врубовых машин? Двести четыре! Это тебе не жук напачкал. А работают только 140, да и те плохо. На руднике „Красный Профинтерн“, посмотри, 90 штук хороших отбойных молотков валяются, и никто ими не интересуется. Если так дальше дело пойдет, то у нас вся механика проваляется и провалится.

Что же делать пионерам? Стыдно. Все из последних сил стараются исправить прорехи, а мы сидим. Надо будет в отряде поднять бузу. Пусть нас пошлют на возможную помощь. А то все ходим мы с барабанами и поем песни. Я пробовал уговорить дядю Васю итти на работу. А он нехорошо ругается и лезет с кулаками. Что ваш отряд делает? Организовал ли какую помощь или нет?

Скажи Лысому, чтобы он мне фонарик как-нибудь переслал. Мы теперь за ежами охотимся, так без

фонаря очень неудобно. Ежи как раз под большим домом в подвале живут, со спичками туда лазить не позволяют. Фонарик очень нужен. А вдруг еще на шахты пошлют. Там без фонарика крышка. Темно, как в кино, даже еще темнее.

Если кто из моих поедет в Москву, пришлю тебе ежа. У меня один есть. Злой такой. Его все собаки боятся.

Пиши, как ты живешь. Буду ждать твоего письма.

Петя Чижов

Донбасс, 17 августа 1930 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Дорогой Чижик!

Получил твое письмо. Очень обрадовался. В отряде у нас все по-старому. Мы тоже ездили в лагерь в очень хорошее место.

Я теперь здорово научился плавать. Но на глубокое место заплывать еще боюсь. Ходили в поход и спали несколько ночей в лесу. Потом ходили в соседний совхоз. Копали гряды и пололи картошку. А вечером крали с огородов морковь и редиску. Сперва было очень страшно. Васька Демин раз нарвался на сторожа и тот ему выпалил вдогонку из ружья. А заряд был заправлен солью. У Васьки после этого дня четыре очень болело сидячее место. Так что ел он стоя и спал на животе.

Твой фонарик я у Лысого спрашивал, а он говорит, что ты подарил ему его. Но я сказал, что это не по-пионерски у товарища вещи залимонивать. Он разозлился, но собирается тебе его послать.

У нас в отряде тоже была беседа о Донбассе. Только мы не знаем, что нам делать. Ты не очень расстраивайся. У нас в Москве не думают о вас плохо. Просто знают, что тяжело работать под землей. Мы вас не ругаем.

Скоро будут для Донбасса новые машины, тогда все пойдет как следует. Ты знаешь, главное — это механизация. Чтобы каждый рабочий имел хороший инструмент. В газетах пишут, что горнозаводский трест не дает Донбассу сколько ему нужно разных машин. Завод должен приготовить 50 врубовых машин, а говорят, что сделает только 15. Так конечно трудно работать. И горняки правы, когда они нервничают. Электрическое объединение тоже неважно работает. Не может вам во-время прислать всякие электрические части. Надо их пристыдить там, в объединении. О чем они думают?

Наш московский завод „Боец“ для вас молотки готовит. Если бы он стал хорошо работать и исполнять свой план! А то там тоже непорядки творятся.

Шахтеры.

Как только будут у вас машины, так все сразу пойдет хорошо. Не унывай, Чижик, мы будем просить, чтобы вам скореее присылали машины. На них работать скорее и легче. С машинами мы весь уголь выкопаем.

Ежика пришли обязательно. Если мама будет ругаться, то я отнесу его в отряд, ребята очень обрадуются. Говорят, ежи очень мышей ловят.

Будь здоров.

Гриша Сельский

2/IX—30 г. Москва.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Гриша сельскохозяйственный!

Ежа теперь не пришлю. Работы уйма. Мы больше за ежами не бегали. Помогаем рабочим. Отряд взял шефство над цехами, мастерскими и машинами. Теперь, Гриша, я доволен. Видно, что ребята занимаются делом. В слесарной мастерской смазываем после работы трансмиссию и станки. Помогаем прибирать мастерскую. Сегодня наше звено пошло в кузнечный цех. Чистили горны и приготовляли для них уголь. Когда вышли из цеха, ребята все были похожи на негров. Глаза кажутся очень белыми. Мы все пугали маленьких по улице и строили рожи. Очень весело итти домой, когда поработаешь и знаешь, что помог своей стране и шахтерам. Раз в пять дней звенья отчитываются на совете отряда. Все идет на-ять!

Но с машинами в шахтах плохо.

Не любят в шахтах машину. Боятся ее, а иногда просто ненавидят. Нельзя нашим горнякам давать машины. Вот ты пишешь, если дать Донбассу все механизмы, то и угля получим, сколько нужно.

Неверно ты говоришь, Гриша. Не знаешь ты, как у нас над машиной издеваются. Не доросли наши шахтеры еще до машин. Пока у нас не будут другие люди, не надо в шахты новые машины. Жалко. Разобьют, покалечат.

Недавно на шахту „Валентиновку“ привезли новую врубовую машину. Шахтеры было радоваться. Поработаем, говорят, во-всю. А какие-то паразиты пустили слух, будто врубовка заменяет 30 шахтеров, оттого рабочие больше не нужны и их будут рассчитывать. Горняки заволновались, забузили. На другое утро нашли у машины электрический кабель—весь „к бабушке“ изрублен.

Ручной способ доставки угля.

Таких случаев сколько хочешь. На шахтах жгут электрические моторы почем зря. То болт в мотор бросят, то еще что. На-днях на „Максимовке“ все подшипники, рассказывают, расплавились у лебедки.

Провода у нас электрические валяются под открытым небом. Их и дождем мочит, на них и садятся, и растаскивают их. Полное вредительство творится.

Надо, чтобы у этих новых машин люди работали сознательно и были работники, а не шалыганы, как сейчас. Надо, чтобы шахтеры взялись по-новому на свой рабочий дом смотреть. Ты знаешь, сейчас некоторые шахтеры стали это понимать.

Возьми шахту „Проходку“. Там ударная бригада. Знаешь Симченко, он у них старшим бригадиром. Так они задания на 120% выполняют. Работают по три цикла в день. Ты знаешь, что такое циклы? Это прежде всего умение подойти к машине, сработаться с ней и беречь ее. Знаешь, когда в шахте машина действует, а не вручную работают, то это значит итти на всех парах. Здесь гляди в оба и время зря не расплескивай. Тогда в шахте все по часам. Тогда и начинается цикл. В положенное время вгрызается врубовка в угольный пласт, дерет его и рвет на части. Рубит врубовка уголь сверху, снизу и с боков. В точно положенные сроки идут к работе после машины бурильщики, забойщики, навальщики, забутчики. Так одно за другим и кроют. Если кто оступится, свихнется — потерян цикл. Работать надо точно, нюни не распускать, а главное срабатываться с машиной и беречь ее. Тогда и врубовка будет крыть пласты один за другим.

Так вот полный круг работы от врубовки до врубовки называют циклом. Таких циклов на шахтах делали хорошо если один цикл в сутки, а большей частью не могли никак поспеть в сутки. А ударная бригада Рыбина на „Проходке“ делает в сутки три таких цикла, потому что там рабочие работают по-новому, по-социалистическому. На совесть. И машины не боятся, а любят ее.

Вот видишь, Гриша, я прав. Надо людей научить по-другому думать и на работу смотреть. Не понимаешь ты еще этого, Гриша, маленький ты. А я здесь насмотрелся.

И забойщик Гуднев то же самое говорит:

— К машине нужны руки и догляд. Хорошо работающие руки и серьезное отношение к машине—это самое главное, что нам надо. Мы видим это по себе. Когда все в порядке, когда машина в исправности, то и люди работают, как надо. Но стоит только машине остановиться, как сразу люди остаются без дела. Поэтому мы должны все внимание обращать на машину и приспособить ее так, чтобы ни один час не пропал даром. Теперь у нас два часа простоя—обыкновенное дело. Бывает и того хуже. То конвейер не ладится, то порожняка нет, а если есть порожняк, то нет тока. Так и крутится карусель. Словно жить не может без неполадок.

Теперь знаешь, что не я один так говорю. Гуднев, он старый, опытный рабочий. 34 года с углем дерется. Ты спроси кого-нибудь у себя в Москве из знающих, они тебе скажут — машина без человека никуда не годится.

Дядя Вася собирается пойти завтра на лаву.

Ну, прощай. Я устал тебе писать. Спешу в отряд. Сегодня у нас отчетное собрание. Лысому и Цапле привет. Как насчет фонарика?

Петя Чижов

Донбасс, 21 сентября

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

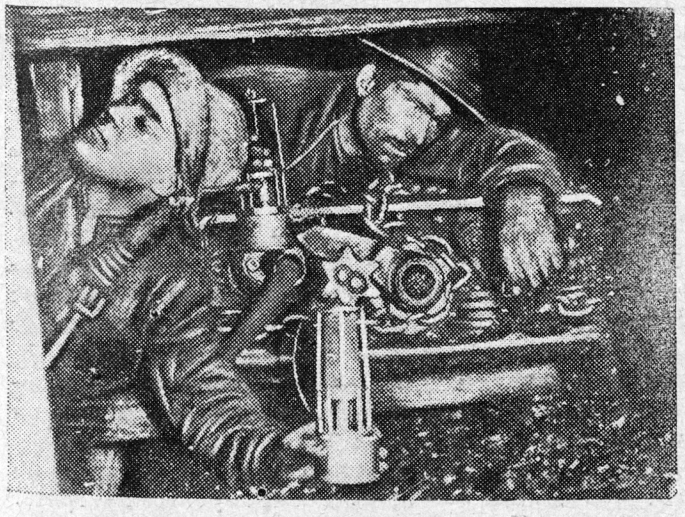
Чижик!

Ты зря говоришь, что я маленький и ничего не понимаю. Я с тобой почти одинаковых лет, всего на несколько дней младше. Я не маленький, а это ты такой длинный вырос, вот и забурел. Ты сам ничего не понимаешь. У меня папа инженер, и он лучше тебя знает. Папа говорит, что горняки плохо работают именно потому, что у них нет ни инструментов, ни машин. Все уже износилось, и их заставляют работать старыми и негодными механизмами. Работают они почти голыми руками. Все от этого и вышло. Если бы дали на каждого по машине, все бы тогда и так хорошо пошло. Зря ты эту всю бузу про новых людей разводишь. Надо, чтобы наши заводы дали как можно скорее новые машины и другие части. А мы еще не умеем делать хорошие угольные машины. А те, которые делаем, то очень долго и мало.

Не веришь?

Можешь сам прочесть в газетах. Горловский завод до сих пор не выполнил заказы на врубовые машины и запасные части за 1929 год. Ага! Вот я

(Окончание на стр. 37)

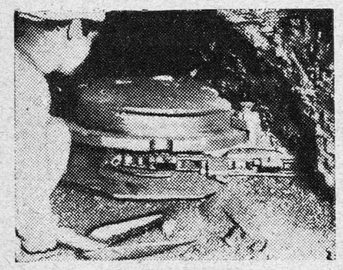


Установка врубовой машины.

Откатка угля на шахте „Ильича“.

МАШИНУ

В ПОДЗЕМНОЙ ЩЕЛИ



Врубовая машина подрубает пласт угля.

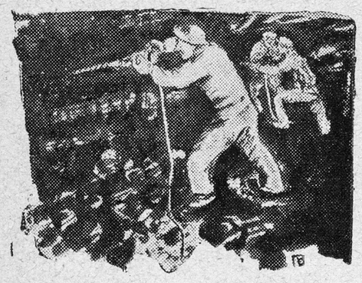
Шахта уходит под землю прямым стволом длиною в 420 метров. От ствола отходят квершлаги — залитые электрическим светом улицы подземного города. От квершлагов отбегают штреки — кривые, узкие и темные переулки. Между штреками лежит угольное поле, длиною в 60 метров и толщиною в $1^1/_2$ метра. Но поле не горизонтально: его слои под крутым углом поднимаются к поверхности. Чтобы уголь добыть, надо, покинув квершлаг и штрек, протиснуться в резко наклоненную щель, уходящую в темную высь — в забой.

В этой черной щели лежат забойщики. Над ними — черный потолок. Под ногами — провал. Вокруг — темь, острый запах человеческого пота и тяжелая сухая струя газа.

Воздух забоя — угольная пыль. Глаза, посыпанные едким порошком, учатся смотреть. Легкие работают в мешке угольной пыли. Только шахтерская лампочка сохраняет присутствие духа, пока в воздухе есть хоть доля кислорода.

Забойщик висит на тонких сосновых подкладинах, перекрывающих провал. Нужна чертовская сноровка, опыт, выдержка, чтобы в этой щели наносить удары углю.

СЕРДЦЕ И ЛЕГКИЕ—ЗА КАМЕННЫЙ УГОЛЬ



Бурение электробуром.

Забойщик держит обушок за конец длинной деревянной рукоятки. Он взмахивает ею, стальной выгнутый клюв впивается в уголь, а тот плюется в ответ острыми крупинками и облаком пыли. Новый удар обушка, но только пыль становится гуще и легким труднее дышать. Уголь упрямо сопротивляется. Но еще удар — и, потеряв равновесие, уголь водопадом летит вниз. Он катится мимо забойщиков, расположенных ниже,— туда, к нижнему штреку, где доски люка на время задерживают угольное наводнение. А за ним встает облако пыли и кровь часто и громко ударяет в виски забойщика.

Брешь в угле пробита — надо поддержать ее новым креплением.

Здесь, под землей, все сшивается большими деревянными стежками. Забойщик берется за пилу и топор.

Так шесть часов продолжается бесконечно тяжелая борьба человеческих мускулов, сердца и легких за каменный уголь.

ГОЛОВА В ЛЮКЕ

Бурение электробуром в показательной шахте № 1.

В штреке под люком стоит вагонеточный поезд. Его привезла подземная слепая лошадь. Она знает только два слова:

— Чу-у-уть!

Это значит: надо немного, на половину вагонетки, пододвинуть поезд вперед. И:

— Наза-а-ад!

Это значит: на ту же половину вагонетки оттолкнуть его обратно.

Нагрузка вагонеток проста и безобразна: дверь люка — две-три доски — убирают и мелкий уголь ручьем ссыпается в вагонетку. Вагонетка полна — доски вставляются в люк, угольный поток прекратился. Команда: „Ч-у-уть!“, рывок, и новая вагонетка ждет очереди.

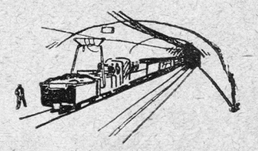
Снова выбиваются доски и снова — ручей угля. Но уголь устраивает в люке затор и не сыплется в вагонетку. Тогда шахтер лезет в люк. Половина туловища скрывается в черной дыре: шахтер доской пробивает затор.

Минута — и вместе с хлынувшим углем из люка выскакивает рабочий: глаза, лицо, плечи — все засыпано угольной пылью. Кажется, он своей головой пробил угольную плотину.

Вагонетки нагружены. Пять тонн каменного угля покатились по штреку. Но в штреке темно. Штрек извилист. На его рельсах — грязь, вода, забытые бревна, разбросанный уголь.

И вагонетки „бурятся“ — сходят с рельс.

В ЗАБОЙ



Подземный коридор.

Начинается нудная и тяжелая установка вагонеток на рельсы — спиной, плечом, руками.

Поезд покатил дальше, но там снова грязь, вода, неполадки — и снова подъем забурившихся вагонеток.

Так с неизбежными остановками подходит уголь в „стволу“.

Клеть поднимает его „на-гора“ — на поверхность.

Это называется ручной добычей каменного угля.

БЕЗ МАШИНЫ

Крепильщики осматривают крепи в шахте.

Нет шахтера с здоровыми легкими. Три четверти горняков имеют расширенные („бычачьи“) сердца, в которых — угольная пыль. Половина забойщиков — полуинвалиды уже в возрасте от 20 до 45 лет. Все это делает нечеловеческая работа в ручном забое.

Конечно, прорыв в Донбассе произошел не только потому, что недостаточно были механизированы рудники. Тут и наследство шахтинских вредителей, и нераспорядительность технического персонала, и слабая дисциплина шахтеров, и неуменье принять десятки тысяч батраков, пришедших на шахты. Но основной причиной была забытая механизация.

Мы забросили механизацию и с прежними силами — с ручными забоями, с прежним кадром забойщиков, с расхлябанными путями в штреке — решили выполнить резко увеличенную программу второго года пятилетки.

И оступились — Донбасс недодал угля, домны не получили кокса, электростанции и транспорт — топлива.

Так создался прорыв в Донбассе.

МАШИНУ В ЗАБОЙ

Вчерашний Донбасс еще мог кое-как работать с обушком и ослепшей лошадью. Сегодняшний и завтрашний Донбасс требует стали, машин, электричества и сжатого воздуха. Человеческое сердце в штреке надо заменить мотором. Коногон должен уступить дорогу водителю электровоза.

В механизированном забое нет распластанного тела забойщика, обушка и натруженных мускулов. Все это заменяет врубовая машина, отбойный молоток, электричество.

Машину подводят к забою, включают мотор, цепь начинает быстро вращаться и зубья глубоко врубаются в уголь.

Они вонзаются в пласт, и когда доходят до расчетной глубины — $1^1/_2$-2 метра,— кончается зарубка. Начинается вторая часть работы — работа машины вдоль всего забоя, на 60—80—100 метров. По 20 метров в час проходит такая машина, вырубая в угольном пласте щель глубиною в 2 метра.

Угольный пласт подрублен — теперь надо отбить уголь. В руках у шахтера „отбойный молоток“ — хитрое долото, работающее сжатым воздухом. Рабочий только направляет его, а поршень, заключенный в нем, заставляет долото 1500 раз в минуту ударить об уголь. Подрубленный пласт не выдерживает и откалывается кусками.

Скрепер — громадный механический скребок. Он захватывает сразу по полтонны угля, а электрическая лебедка втаскивает захваченный уголь на помост. В помосте — люк. Под люком — вагонетка. Уголь ссыпается по люку в вагонетку.

Уголь погружен — его подает к стволу шахты подземный электровоз, который легко тащит целый поезд из 25-30 вагонеток.

Человеческие мускулы заменила машина, мотор встал на место человеческого сердца, коногоны превратились в водителей электропоезда. А это значит: меньше угольной пыли попадает в сердце и легкие забойщика, меньше инвалидов ложится в больницы.

Это значит: больше угля дают шахты — механизированная добыча лишь 100 тонн угля экономит по меньшей мере 20 рабочих.

На 100 тонн угля механизация экономит 20 рабочих. Сосчитайте, сколько рабочих сэкономит Донбасс при полной механизации добычи тех 16 270 000 тонн угля, которые он обязан дать за ударный квартал, и вы поймете, что значит механизировать Донбасс.

Откатчица идет на работу.

Тоски по Германии мы не ощущаем

ПИСЬМО НЕМЕЦКОГО ГОРНЯКА ИЗ СССР

ЛИКВИДИРОВАТЬ прорыв в Донбассе взялись не только рабочие СССР.

250 немецких горняков из Рурского бассейна покинули свою родину для того, чтобы помочь строить социализм в СССР.

250 немецких рабочих по собственному желанию приехали в Донбасс. Вместе со всеми они воодушевленно работают в ударных бригадах донбасских шахт.

Вот письмо одного из них, Артура Вазеля, к товарищам, оставшимся в Хамборне — прежнем месте их работы.

Письмо это приведено в одном из последних номеров «Роте Фане»:

«Дорогие товарищи!

Мне хотелось бы кратко поделиться с вами впечатлениями о нашей жизни в Донецкой области. Мы работаем 6 часов. Каждый пятый день мы отдыхаем. Технически шахты оборудованы похуже, чем у нас, но это ничего. Мы сделаем все, чтобы возможно скорей улучшить и переоборудовать их!

Забойщики получают здесь от 140 до 230 руб. (на наши деньги это сумма большая — от 280 до 450 марок). Обедаем мы все вместе в кооперативной столовой. Обед очень дешев — 30 копеек.

У нас есть клуб, читальня и пр., где мы отдыхаем, учимся и развлекаемся. Наши дети с 8 до 3 часов дня гуляют и играют под руководством педагогов в огромном прекрасном парке.

Для нас, германских горняков, уже начали строить новые дома, которые будут готовы к началу октября. Оплата квартир нам рассрочена на 5 лет.

В общем, короче говоря, могу вас заверить, товарищи, что НИКАКОЙ ТОСКИ ПО ГЕРМАНИИ МЫ НЕ ОЩУЩАЕМ».

ТОВАРИЩИ!

МЫ, делегаты II Международного слета пролетарских детей, приветствуем вас от имени пролетарских детей всего мира.

Мы приехали издалека: из Америки, Англии и Бельгии. Нам приходится работать в самых тяжелых условиях. Нам с трудом удается устроить сбор отряда, демонстрацию. На каждом шагу нас преследует полиция. Во время демонстрации полиция набрасывается на пионеров с дубинками и жестоко избивает их. Среди нас здесь, в делегации, есть одна девочка, которая шла во главе демонстрации стачечников в городе Брэдфорде (Англия). Недалеко от фабрики выскочил отряд полиции и начал избивать толпу. Начальник отряда ударил нашу пионерку по голове нагайкой. Она лежала 2 недели и выздоровела только перед отъездом в Германию на слет.

Таких случаев тысячи каждый день во всех капиталистических странах.

Товарищи! Пролетариат всего мира с неослабевающим вниманием следит за вашей работой, за вашей стройкой. Вместе с вами пролетариат всего мира переживает радости ваших достижений.

Горняки Англии, откуда мы приехали, с большим интересом следят за вашей жизнью и работой. Вы работаете в той же отрасли промышленности — в шахтах. Только вы работаете для себя, в своей стране, а там они работают для капиталиста.

Мы обращаемся к вам от имени пролетарских детей всего мира и революционных горняков Англии, Америки и Бельгии. Ваша задача сейчас — это ликвидировать прорыв. Вы должны это сделать не только для своей страны, но вы должны также показать нашим рабочим, нашим горнякам, что если возьметесь, то действительно сможете не только выполнить, но и перевыполнить свой план.

Товарищи! Мы скоро едем домой — в Америку, Англию и Бельгию. И мы уверены, что не ошибемся, если будем обещать горнякам нашей страны, что горняки славного Донбасса сумеют выполнить и перевыполнить свой план.

Да здравствуют героические рабочие Донбасса!..

Да здравствуют революционные горняки всего мира!..

ПОЭЗИЯ СТРОЙКИ

Город гремит и грохочет
В шуме сирен и стропил...
Угол поэзии почат
Взмахом
рубанков
и пил.
Тес на пластины нарезан,
Выше
растут
штабеля...
Стали,
Машин
и железа
Просит советов земля.
Цемент,
известка
и глина,
Стекла,
песок
и смола —
Это в разбеге машинном
Новых поэтов слова.
В нашей строительной спешке
Фабрики жизни растут.
Некогда
мямлить
и мешкать —
Жалость
преступна
к врагу.
Сломим мы трудности роста,
Будут разбиты враги.
Фабрик
ударная
поступь —
Лучшие
наши
стихи.

Деткор А. Орлов

НА ПРОРЫВ

(Заводу Петровскому)

Радиорупоры,
Рапорты
нам:
Нажим пролетарский
Утрой!
На наших заводах
Здесь,
там —
Брак,
прогул,
простои.
К домнам,
к машинам,
к рабочим станкам!
Руша
прорыва
груз,
— Слышите!
— Слышите!
Выполнить
план
Нас призывает
Союз.
Точен
и четок
Удар кузнецов,
Жар молодой
Не погас!
В реве заводских
горластых
гудков
— Темп!
— Дым!
— Лязг!
Мы напрягли
Каждый мускул
и нерв,
Глаза в работу
вперив.
Нам поможет
любой пионер
заполнить любой
прорыв!

Деткор Л. Рувинский

Херсон

КАДИЕВСКИЙ рудник. Трое ударников ценою своей жизни спасли врубовую машину и конвейер.

Однажды в шахте послышалось шуршанье. Маленькие кусочки породы ручейками катятся вниз, вдоль ходка. По шарканью ног слышно — идут шесть. Вернее, не идут, а ползут.

Цесман, маленький, худенький парень, вел в лаву ударную бригаду. На животах пробирались они к врубовой машине. Вдруг выстрел, второй. В шахте — гул. Учащенно забились сердца. Но цепь фигур продвигалась вперед. Когда свет аккумуляторов выхватил часть машин, выстрелы участились, превратившись в сплошной гул. Это садилась лава. На языке шахтеров это значит:

— Спасайся кто может. Будет обвал.

Цесман крикнул:

— Лес давайте! Крепить будем.

— Что ты! Погибнем...

— Лес давайте, черти!

... Там глубоко, в расщелине земли, в пыли и тьме копошились люди. Быстро ставили клети, окружали машину стеной стоек. Одна мысль у всех: разобрать конвейер, спасти врубовую машину. Когда забивали последний столбик, над головой ухнуло. Посыпались камни. Цесман скомандовал:

— Ребята, вылазь скорей.

Прижимаясь к земле, ползли, а за ними грохотало. Крошилась мелкая порода — грозный предвестник больших обвалов.

Вдруг выкрик Гринина:

— Ребята, забыли шелку для машины. Я пошел обратно.

Гринин вернулся в темноту, откуда только что прибежали последние люди.

... В полутьме, сгорбившись под опасными сводами, возвращались люди. Головы опущены вниз.

— Где Гринин?

Вызвались двое — Почепцов и Маштаков:

— Мы идем искать Ваську...

Прощально блеснула лампочка. В пасти смерти сидели уже трое близких и лучших...

„На-гора“ вышли бодро. Оставшиеся трое спасли важнейшую часть машины и конвейер. Это было боевое крещение ударников. Скоро имя ударников-цесманцев загремело по всему району. И немудрено: дали 200 процентов добычи. Они же уговорили взрослых рабочих организоваться в ударную бригаду.

Глей и уголь

НАД полями, покрытыми полынью, высится темная пирамида шахты № 6. Это терриkон,— т.-е. пустая порода, насыпанная пирамидой.

На вершине ее устроена железная площадка. Она похожа на большое железное насекомое. Каждые 3 минуты маленькие вагонетки, толстые и быстрые, как тараканы, взбираются на спину железному насекомому, неожиданно наклоняются вперед и из них сыплются куски пустой породы.

Днем над пирамидой, как над кратером потухшего вулкана, курится дымок, а ночью красноватым блеском светится вершина терриkона.

Это пламя отыскивает себе пищу в сере, навозе и угольном мусоре.

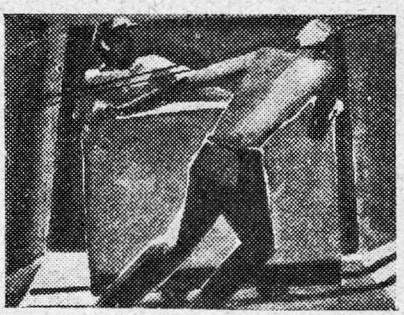
Глей (порода) лежит под землей вместе с каменным углем и вместе поднимаются клети шахты. Но на поверхности они расходятся в разные стороны. Глей взбирается на терриkон. Уголь бежит по высокой эстакаде к железной дороге. Около люка вагонетки, резко клюнув носом, опрокидываются, и уголь летит на погрузочную платформу.

Десятилетиями высятся у копра шахты две горы: гора земляных отбросов — помойная яма шахты — и гора черного блестящего угля.

НЕТ ЗВЕЗДЫ

В километре от терриkона, на полынном глинистом поле — шахтерский поселок. Он вытянулся двумя рядами домов, похожих друг на друга как угольные вагонетки.

В округе все знают, где живет Синяев, тот, кто вместе с Позняковым сколотил лучшую производственную коммуну во всем Кадиевском районе.



С Синяевым трудно начать разговор.

— Да что тут рассказывать, товарищ,— смущенно говорит этот высокий человек. Он свертывает папиросу почерневшими пальцами, с которых никакой щеткой не оттереть 13 лет работы в забое.

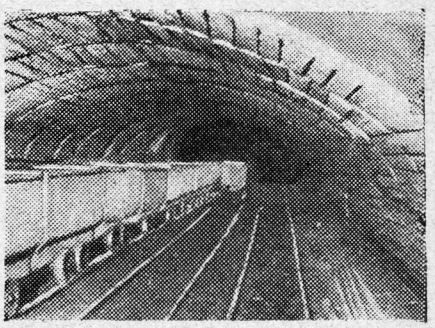
— Все со звезды началось. Ты видел — на „Ильиче“ звезда горит по ночам? „Ильич“ выполнил свою программу во второй год пятилетки и получил звезду. А мы нет... Но ты не думай, что мы не бились за звезду. Еще как! Бывало в забое, в штреке, в клети только и разговору:

— Даешь звезду на Максимовку!

Нажимали коногоны, забойщики, откатчицы. Звезды не получили.

— Кто же виноват, Синяев?

— Все. Прежде всего сезонник подвел. Этим летом толпами пошел он из шахты по деревням и сорвал добычу.



Но и наши кадровики подкачали. Взять хотя бы нас. Работали мы артелью. Шум, ругань, споры, неполадки. Каждый в свою ракушку забился и не выходит из нее.

Многие работали на совесть, но не было спайки друг с другом, каждый вразброд старался, и шахта недодала угля.

Звезда мимо носа прошла. Нет звезды на Максимовке.

Обидно нам стало. Да что же это такое? Ведь если так дальше дело пойдет — сорвется Донбасс, а с ним вместе к чертям полетит пятилетка: разве может страна жить без угля? И решили мы сколотить коммуну из хороших ребят и поднажать.

КОММУНА НА ШАХТЕ

Не легким оказалось это дело. Но все же сколотили: 20 человек — 9 забойщиков и 11 рабочих ремонта.

Прежде всего перешли на выработку с вагона. Так честнее: сколько выдал вагончиков „на-гора“ — за столько и получай.

Второе — начали на чистоту работать. Раньше забойщик нарубил уголь, сбросил на пол, а там пустая порода лежит. Приедет коногон и погрузит вместе и уголь и породу.

От этого зольность большая в угле, топки засоряются — дрянь дело.

У коммунаров не так. Перед забойкой освободишь место от породы, чтобы в вагонетки шел чистый уголь. Если заспешишь и оставишь кое-где породу, тогда коногону скажешь, и он при погрузке ее в сторону зашвырнет. Бывает, что и коногон обмишурится. Тогда откатчица заметит. Три контроля у нас за зольностью, а раньше ни одного не было.

Вообще в коммуне правило заведено:

— О кармане потом. Сначала подними качество и опусти цену.

К примеру такой случай был:

Наша электростанция два часа току не давала под землю. Застопорилась работа. Когда кончилась смена, вышли все на-гора и давай бузить:

— Гони денежки за два часа простоя!

Дали.

Конечно, чем рабочий виноват, что тока в забое не было? Это прежнее, несознательное рассуждение.

В коммуне решили, что простой электростанции — убыток, а оплата простоя — двойной убыток. Мы не взяли денег за простой, а на следующие дни поднажали и выправили добычу.

РАБОТА НА ЧИСТОТУ

Бывает, не подадут во-время крепежного леса. По заведенному давно обычаю шабашат ребята: крепить нельзя, значит и рубать дальше нельзя.

В нашей коммуне нет этого. Ты бывал на шахте? Видал, сколько лишнего леса валяется по канавам и штрекам. Ну вот, приволокешь такое бревно, отпилишь, сколько тебе надо, и готова „парочка". И снова уголек рубать можно. Так-то.

И заметь — не было еще у нас срыва промфинплана. Позором это было бы для коммуны...

Он вытащил измазанную угольной пылью тетрадь. Там стояло:

Выполнение производственной программы коммуны:

Август 120%
Сентябрь 109%

ПРОГУЛ

— Как у вас с прогулами, Синяев?

— Был грех: прогулял один парень свою смену.

— Запьянствовал?

— Нет, пьянства у нас в коммуне не было и не будет. Просто проспал парень. Холостой он, живет в казарме. Его нарочно не разбудили, он и не вышел на работу. Теперь не знаем, что делать с ним. У нас в коммуне имеется свой трибунал против прогульщиков и лодырей. Значит, судить надо.

Теперь парень сам не свой ходит: боится, как бы из коммуны не выгнали. А ты знаешь, что значит, когда коммуна исключит тебя? Ведь это смерть.

ПОРОВНУ

А как у вас насчет заработка?

Поровну делим. Иногда по 5 р. 40 к., а то и по 5 р. 70 к. за смену выколачиваем. Все довольны. Смотри сам: работает у нас в коммуне Плеваков. Он раньше стойки подбивал, а теперь вагонщиком поставлен. Бывало он раньше ста рублей в руках не держал, а теперь по 5 р. 70 к. в день выгоняет.

А выходов у нас по 25, а то и по 30 в месяц бывает. Вот теперь и рассуди — довольны мы или нет нашим заработком.

РАЗБУЖЕННЫЕ СТАРИКИ

Обратно меня провожал Синяев.

Он горячо говорил о том, как встречала шахта батраков, пришедших на работу, и приводил убийственные цифры: из 40 мобилизованных на шахту убежало 36. Но из 3 человек, над которыми взяла шефство его коммуна, все остались на месте, а один законтрактовал себя до конца пятилетки.

— Потому — не тюкаем мы их, не пугаем забоем: „Рыло опадет". „На смерть идешь". „Сам в могилу лезешь". Разве можно так с новичком обращаться? Иной первый раз паровоз увидел, когда тот его в шахту вез.

Потом говорил Синяев о мечте коммунаров. О том, как хорошо было бы жить всем в одной хате. Как надо наладить неприкосновенный фонд для помощи в нужде коммунара. И как хорошо было бы, если бы все шахты стали одной коммуной.

Мы подходили к терриконy в сумерки. Сегодня шахта много выкинула серы и терриконы дымился.

Синяев молча шагал, уставясь в полынную землю.

— Эх, глею у нас на шахте много.

— Действительно, здоровую гору насыпали.

— Да я не о терриконе, товарищ. Людского глею много у нас. Бурятся вагоны, режутся лошади. Вчера две погибли, сегодня — четыре. Каждый день недодача. Вот Гавриченко: жженый сахар себе на руку положил, потом мылом натер. Она у него и вспухла. На 5 дней бюллетень получил.

— Переделаем и их. Я уже рассказывал, как мы батрачков повернули. Теперь горят на работе.

— Не уйдем,— говорят,— полюбилась нам шахта.

Да что батраки,— мы наших стариков разбудили. У нас в коммуне Гришин работает. Ему 56 лет. 30 годков забойщик. Ребро поломал. Ногу покалечил, на пенсию вышел. А все же крепкий старик.

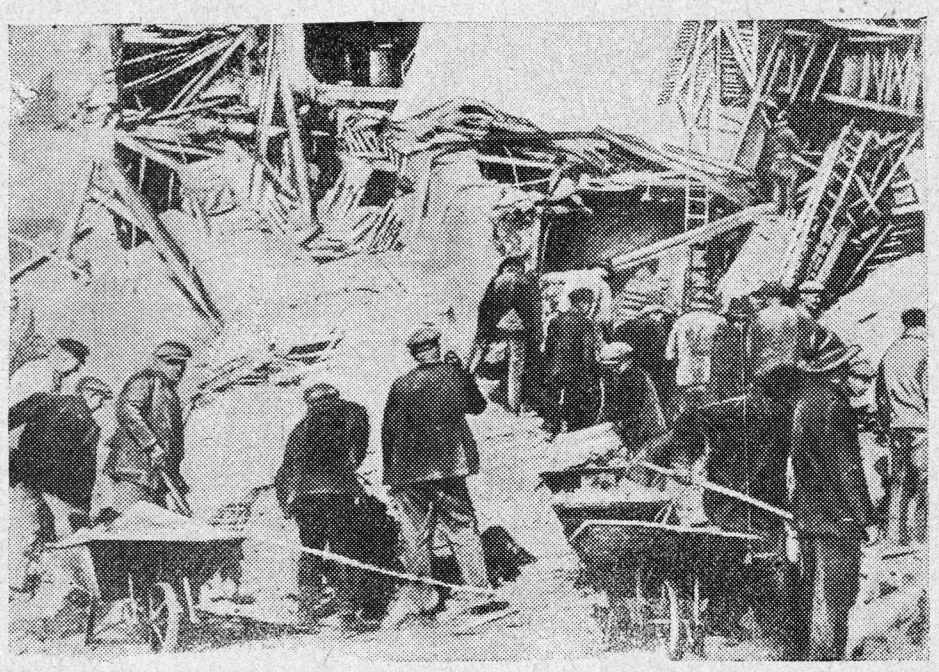
(Окончание см. на 3 стр. обложки)

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

ГАЗЕТА ПИОНЕРа

№ 1
НОЯБРЬ
1930

К СЪЕЗДУ КОМСОМОЛА ПРИСЫЛАЙ СВОИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ПИОНЕРДВИЖЕНИЮ



ВЗРЫВ В ШАХТЕ „ВИЛЬГЕЛЬМ“ *(См. снимок)*

В шахте „Вильгельм“ (Рурская область, Германия) произошел большой взрыв. Человеческие жертвы огромны. Пока из шахты извлечено 95 погибших и 76 раненых.

В засыпанной шахте находятся еще 120-150 рабочих. На их спасение надежды мало. Опасаются, что они утонули в грунтовых водах, ибо насосы не действуют.

Под развалинами разрушенной взрывом расчетной конторы похоронено 30 служащих. Разрушены горняцкие поселки. Огромное число горняцких семейств без крова.

По показаниям горняков, катастрофа вызвана накоплением в шахте взрывчатых газов. Несколько недель назад комфракция прусского ландтага (парламента) указывала на недопустимое положение в этой шахте. Но все же, несмотря на угрозу катастрофы, администрация шахты заставляла рабочих продолжать взрывные работы.

Первые спасательные работы были организованы революционным завкомом шахты и рабочими, примыкающими к революционной профоппозиции. Большинство членов завкома все время находится в шахте вместе со спасательными отрядами.

Жены и дети горняков заполнили всю дорогу от шахты к больнице. В результате катастрофы много горнорабочих сошли с ума. Перед выходом из шахты лежат раненые горняки, большинство с тяжелыми ожогами. Среди погибших есть члены компартии.

РАЗВОДИМ КУР

Наша школа организовала птицеводческую ферму. Она выписала из Промптицеводсоюза птиц: 5 кур с петухом породы Минорки, 6 уток и селезня Руанской породы, 8 гусей с гусаком Тулузской породы. Отстроены с полным оборудованием три светлых птичника для каждой породы птиц. Уход за птицами образцовый. Мы взяли всех птиц под особый контроль.

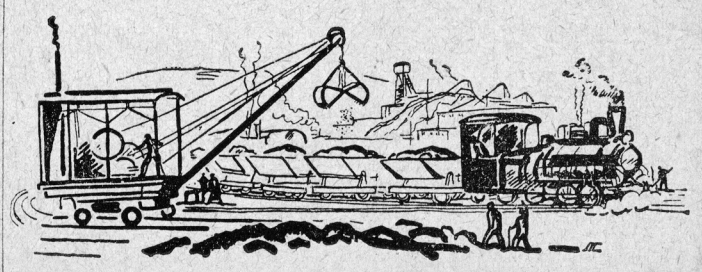
Дер. Крутой Верх.

Бакленов

НАШИ ГОЛОСА

С. Кирсанов

Пахнет уголь,
кайлами граненый,
врубовый гул
далеко отдался...
Два
каменноугольных района
в разных краях
подают голоса!
Голос Pура:
— Глотки пошире!
Громче!
Пускай услышит Донбасс!
Мы голосуем
за список четыре,
скорей отвечайте,
как у вас?
Голос Донбасса:
— Штольни пошире!
Стучите,
пускай услышит Рур —
построю
свою пятилетку
в четыре,
третьего года
подъем беру!
Голос Pура:
— Мы тверже стали,
наши слова
понеси, гудок.
В строй коммунистов
новые встали,
выполним
классовой битвы
долг!
Голос Донбасса:
— Побольше стали!
Угля побольше!
Кричи, гудок!
Новых ударников
тысячи встали,
вернем пятилетке
угольный долг.
Голос Pура:
— Враг неистов,
силы
для новых боев
сберегу!
Объявим войну
социал-фашистам,
ни шопота —
классовому врагу.
Голос Донбасса:
— Мышцы натянем!
Отставших
буксирами волоку!
Объявим войну
летунам и лентяям,
ни капли жалости —
кулаку!
Голос Pура
(не слышите нешто?
Голос летит,
облака прорыв).
— Ваша работа —
наша надежда!
Что с промфинпланом?
Заткнут прорыв?
— Товарищи рудовцы!
Мы не устали,
третьего года
видна полоса.
И мы подаем
свои голоса:
— Даешь
Перекопы
угля и стали!



ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ ВМЕСТЕ С ОТЦАМИ ОТВЕЧАЮТ ЗА ПРОРЫВ

СТЫДНО ОТЦАМ

Пионеры отряда „Смена комсомола“ выступили в поход за уголь. Пригласили на сбор зав. шахтой для того, чтобы он рассказал ребятам о работе их отцов. Зав. шахтой сказал, что шахта № 1 находится на скамье подсудимых за невыдачу нормы. Пионеры не стали откладывать это дело. Приготовили множество плакатов, с музыкой направились к производству. Здесь стояло много работниц и рабочих. Они читали плакаты:

„Не отец тот, кто срывает выполнение пятилетнего плана“.

„Нам стыдно, что наши отцы сидят на скамье подсудимых из-за невыполнения задания“.

Пионеры обещали бороться со своими отцами, которые не выходят на работу из-за пьянки, и тут же объявили себя ударниками по заключению договоров.

Некоторые злостные прогульщики ругали своих детей:

—Мои дети меня позорят.

Наша работа даром не пропала: добыча значительно повысилась.

Деткор Давыдов

ПИОНЕРЫ БЕЖИЦЫ В СТОРОНЕ ОТ БОРЬБЫ ЗА ПРОМФИНПЛАН

На машиностроительном заводе-гиганте „Красный Профинтерн“ (Бежица, Западная область) прорыв—годовая программа недовыполнена на 10, 9% В прорыве виноваты: брак, прогулы, простои, рвачи, летуны и т. п.

Но виноваты и пионеры гор. Бежицы. Они стоят в стороне от заводских будней, не идут в завод помогать своим отцам и братьям в борьбе за промфинплан. Ни один отряд из нескольких десятков не участвует в производственной жизни. Разве только лишь один 19-й отряд завел связь с рабочими механического цеха, обслуживает их в обеденный перерыв в культурном отношении, издает свою стен- и живгазету в цехе. Но и здесь пионерская работа начинает замирать. В остальных же 36 цехах завода-гиганта не увидишь ни одного красного галстука, ни одного пионера, помогающего рабочим в борьбе за промфинплан.

Бежица. *Ан. Юркин*

В БОРЬБЕ ЗА ПЯТИЛЕТКУ

Завод, при котором наша база, имеет большой прорыв. Приехав из лагерей, оказав большую помощь коммуне и беднякам в деревне, получив в лагере хорошую политическую зарядку, мы решили в городе использовать эту зарядку на новой трудной и серьезной работе—помочь заводу в ликвидации прорыва. Мы организовали пионерскую бригаду. Эта бригада ходит ежедневно на завод и выявляет, доведен ли план до станка рабочего, проверяет работу ударных бригад и администрации. Кроме того делает налеты. Например стоит вагон.

— Эй, мастер цеха, почему стоит вагон? Кто отвечает за этот вагон?

Мастер называет фамилию.

Бригада привлекает к ответственности лодырей и разгильдяев, по вине которых стоят вагоны. Кроме этого бригада беседует с рабочими о производстве, говорит о том, что рабочие — хозяева производства, что они должны болеть и отвечать за работу завода. Бригада начала вербовку рабочих в число мобилизующих себя до конца пятилетки на данном заводе.

Свердловск.

Сирота Х. И.

ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ НА ЛИКВИДАЦИЮ ПРОРЫВОВ

Кустпромсоюзом (союз кустарей) был взят заказ от Челябтракторостроя на выделку и доставку в Челябинск 33 млн. штук кирпича

Цифры эти не были бы так страшны, если бы Кустпромсоюз предпринял меры, которые следовало бы предпринять для выполнения этой задачи. Но выполнение наполовину оказалось на бумаге и вызвало прорыв такой силы, что он затормозил работу постройки тракторного завода.

Общественность города вызвалась помочь субботниками.

Очень большую работу провели пионеры.

За летний лагерный период пионеры на Санинских кирпичных заводах выгрузили 170 тыс. штук кирпича.

А недавно 755 школьников провели субботник на кирпичном заводе в Глинских (семь верст от города), где выгрузили две печи с 23 200 штук кирпича и загрузили печь на 8 000 штук.

Бригада из 15 пионеров объявила себя ударной и проработала на заводе с 10 часов утра до 4 часов вечера.

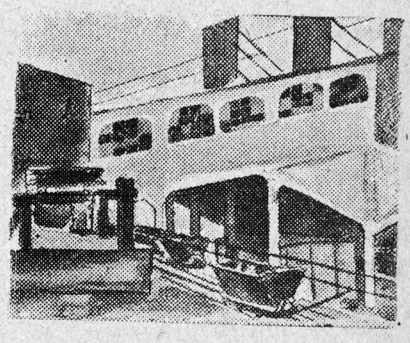
Так мы практически осуществляем лозунг участия пионеров в социалистическом строительстве.

ИНТЕРЕСНЕЙ ВСЕЙ ПИОНЕРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

— пионерка г. Омска, базы „П

Насосной станции, школы им. Толстого, 5 гр. До марта 1930 г. я выписывала журнал „Пионер“. Как-то раз, сидя в отряде до начала сбора, ребята собрались в кучку и стали читать из журнала рассказ из жизни восточных пионеров. Рассказ очень заинтересовал ребят. По окончании сбора мы все решили во что бы то ни стало подписаться на журнал. Придя домой, я рассказала дома, что мы читали и что „Пионер“ куда интересней всей пионерской литературы. Попросив дома денег и добавив своих 70 коп., я пошла и выписала журнал „Пионер“ на 1½ г Кроме того я завербовала трех подписчиков на журнал „Пионер“

Н. Тороповская



ИЗ ДНЕВНИКА ФАБЗАЙЦА

Я и еще тысяча с лишним таких же ребят попали в ФЗУ электрозавода. Завод растет с каждым днем. Растут цехи, строятся новые корпуса. Заводу нужны квалифицированные рабочие, командиры станков. Их должны дать ФЗУ. Ребята у нас все с твердым сознанием: „Будем хорошими квалифицированными рабочими“.

Первый день прихода в школу был для нас праздником; мы с нетерпением ждали его—поскорее на завод, к станку!

26 сентября провели беседы: „Почему ты поступаешь в ФЗУ“.

Ребята говорили разное: одни—просто „хочу быть квалифицированным рабочим, так как с малых лет интересуюсь техникой“, другие ругали старых спецов-вредителей и с гордостью обязывались их заменить.

26-го к нам пришел рабочий завода. Мы беседовали о промфинплане, соцсоревновании. Многие ребята не знали еще, что такое „промфинплан“.

Беседа очень заинтересовала ребят. Надо быть в курсе дела. „Ведь завтра мы пойдем на завод“.

Все с нетерпением ждали этого дня. Торопясь, мы побежали к заводу. До звонка осталось 20 минут, а дороги порядочно. Дружелюбно приняли корпуса своих новых гостей. Мы почувствовали себя как будто дома: завод—наш самый хороший учитель, самый лучший друг и товарищ.

Вот и мастерская. Звонок. Каждый занял свое место. Началась работа.

Мы начинали с самого начала: учились правильно бить молотком, владеть пилой. Все делали пока по дереву. Фабзайцы со второго курса уже работали во-всю. Стучали молотки, быстро бегали по металлу ножовки, гудели станки. Некоторые ребята работали на токарных станках, точили детали, другие—на фрезерных, а остальные—на тисках. Многие группы фабзайцев объявили себя ударными и заключили договоры по соцсоревнованию. Вот некоторые пункты:

Полностью посещать все производственные совещания, знать хорошо промфинплан завода. Организовать бригаду, которая бы доводила промфинплан до станка.

Не прогуливать. Проводить рационализаторскую работу, собрать рабочие предложения. Производственные задания выполнять на 10% раньше срока и т. п.

Пионерорганизация должна знать их жизнь, окружить их заботой и контролем.

Ведь пионерская организация отвечает за подготовку новых кадров.

Гринберг

«ОСТАНУСЬ ЗДЕСЬ НАВСЕГДА»

У нас в Омске при мединституте есть отряд пионеров.

Сейчас я вам расскажу, как пионеры из этого отряда отвоевали нового члена.

Недалеко от мединститута жила одна девочка у своего дяди лишенца. Дядя очень плохо с ней обращался, ругал ее, бил.

Одна пионерка встретила эту девочку на улице и стала ее уговаривать вступить в отряд. Девочка не знала, что сказать. Она боялась дяди.

Потом удалось привести ее на сбор отряда. Ей понравилось. И она сказала:

— Останусь здесь навсегда!

Пионеры пошли к ее дяде, забрали принадлежащие вещи и устроили ее в общежитии. Сейчас эта девочка устроилась на работу в клинику ученицей. Она — активная пионерка, полезная работница.

Омск Деткор Сергей Иванов

КРАСАВЦЕВ

„Мой дядя самых строгих правил".
Знаете, кто это сказал?— Пушкин. Который настоящий. Про дядю Евгения Онегина.

А вот мой отец — совсем наоборот. И вообще — все у него наоборот. Например фамилия: Красавцев. А какой уж он Красавцев!

Лет может пятнадцать горбатился он у станка на буржуевых заводах. Известно — охраны труда на них не было вот ни на столечко. Мой отец так и остался: сам низенький как Паташон, сутулый, точно плечи стянули веревкой.

Насчет поговорить — он не спец. В пансионах старорежимных не обучался. Говорит он больше усами. Я по ним всегда и узнаю — весело ему или он в себе лается.

Спокойный отец. С виду неказистый, а ласковый — что надо. Я его уважал.

А теперь я себя чувствую так... Ну, точно вот любимого кролика зажарил, чтобы накормить голодающего...

Все началось с письма Моськи Сигалова. Он раньше в нашем отряде был, а теперь в отряде при 14 типографии. Такое письмище:

„**Пашке-тихоне** (это мне-то!)
от Моськи Сигалова (бузилы)

Вы, Пашка, гробы. И более ничего. Примиренцы. Погоди, после придумаю, как еще вас назвать.

Что ж, вы не читаете разве газет? На вашем заводе прорыв, а вы и не тряхнетесь.

Вот у нас — иначе. Мы как узнали, что в нашей типографии прорыв — так и всполошились. Я говорю — в нашей. Мы хотя только состоим при ней, но считаем ее как нашей.

Тут вожатый наш Скворцов скоропостижно собрал отряд. И что ты думаешь? Все 65 человек как миленькие явились.

Кричали, кричали, на целый „капитал" планов работы накричали.

Как раз тут „день ударника". В клубе на вечере народищу — не провернешь. Рабочие наши пришли с женами, с ребятами — сам-пят. Конечно, чествуют ударников. Качают. Мы еще раньше засняли и прилепили к „красной доске" первейшего ударника — Ключикова. Здоров работать. Сам вызвался.

— Клянусь, говорит,— пятилеткой набирать не 9, а 13 тысяч типографских знаков!

Ну может не так сказал, но вроде этого. Ему на вечере и вручили самовар. Так он сам как самовар засиял.

И Федосееву — бригадиру-печатнику — самовар. Пейте, мол, черти милые, подкрепляйтесь, чтоб пятилетку вывозить. Другим еще по собранию сочинений Ленина поднесли.

А мы-то внизу свои подарки готовили. Тонька Гартинская, Зуева, Лобок да и все первое звено возится. Перемазались в черной краске — страсть. Кончили — и айда наверх. К председателю.

— Даешь словечко пионерам для чествования?

— Получите.

Тонька Гартинская — боевая она — вышла на сцену.

— Вы, говорит,— чествовали здесь лучших ударников, а мы, пионеры 29-го отряда, хотим „почествовать" других типов.

Развернула она большой список — и ну зачитывать!

— Пархоменко. Евграфова. Шепелев.

— Есть такие.

— Вот, говорит,— вам почетная грамота, а вот вам и знамя.

Да как развернет знамя — а оно из рогожи. И на рогоже во все лопатки написано черным-черно:

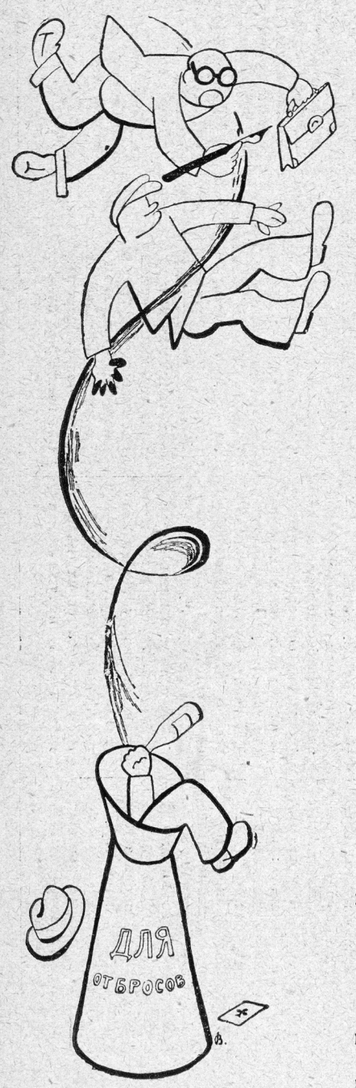
„Позор летунам, рвачам, лодырям, прогульщикам".

Весь зал так и пришибло. После всполошились.

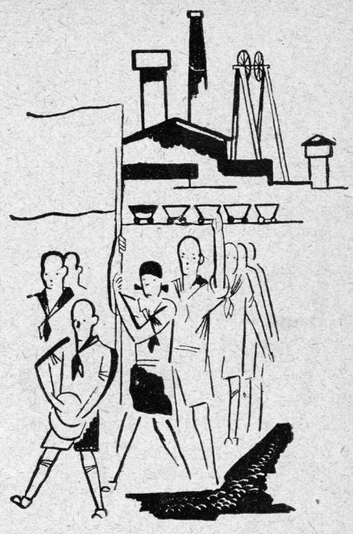
— Ну, говорят, и молодцы ребята! Во угробили. Так им и надо.

Прогульщики-то здесь же сидят с женами, с товарищами. Все над ними смеются, а их так и корежит. Пархоменко чуть не в слезы.

— За что, говорит, ребята? Я всего один день прогуляла. А теперь и вовсе ни часа не прогуляю!



и ГРОБЫ



И верно, мы взялись следить. Как кто прогуляет — так мы его на черную доску. Только те прогульщики больше не попадались. Им в цехах проходу не давали.

— Эй, кричат,— рогожники!

А почему мы это знаем?

Потому, что старшие из нас прикрепились к цехам. Работают там 4 часа в пятидневку, как всамделишние рабочие. Кто переплетную от бумаги разгрузил?— Мы! А кто рабочим инструмент и краски подносит?— Мы же!

А вы — гробы. Не знаете чем своему заводу помочь. Эх, раскипелся я так, что названия вам не подыщу. Погоди! Придумаю — тогда еще напишу.

Пока.

Моська (бузило)

Загвоздил он меня этим письмом. Я — к вожатой, Вале Степановой. А она мне показывает книжонку в три листика

„Обращение центрального бюро ДКС ко всем пионерам"

— Сегодня,— говорит, — на отряде будем обсуждать.

А в обращении говорится:

„Юные пионеры, дети рабочего класса!
Центральное бюро ДКС об'являет все пионерские отряды городов и рабочих поселков Советского союза мобилизованными для помощи партии и комсомолу в борьбе за полное осуществление производственных программ".

Из него-то мы и узнали: в профинплане прорыв. Под угрозой третий год пятилетки.

План намечал рост промышленной продукции на второй год пятилетки на 32%, а выросла она всего на 27%.

И ЦК то же говорит:

„Прорыв — нетерпим. Большевистская подготовка к выполнению гигантской производственной программы третьего года пятилетки заключается в безусловном выполнении промфинплана текущего года".

А уж ЦК — зря не скажет. Ребята и заплясали.

— Даешь, говорят.— Мы да мы!..— словом, сейчас готовы весь завод галстуком связать. И на спине вытащить. А чего будем делать-то? Там увидим!

И пошли мы на завод, к которому прикреплена наша школа. У некоторых — как и у меня — отцы работают на этом заводе.

Навстречу нам — комсомольский секретарь Данков. Видать напористый. Быстрый и говорит — так и чешет. Точно дерется словами.

— Кройте, говорит, ребятишки, прямо в цеха. Шумите, ловите прогульщиков, сделайте список, обследуйте их дома. Гоните лодырей из курилок. Вешайте их на черные доски!

Ребята обрадовались. Рассыпались мы стайками по цехам. Здорово там интересно. В давильном цехе наденут на бабку станка железный круг. Запустят станок. Прижмут колесиком на ручке круг. Вжжж... И вышло вроде железной ковбойской шляпы. В другом цехе смешают в барабане жидкую смесь из 12 разных специй. Сунут в нее эту шляпу — и в печь. И готова электрическая арматура.

Я было зазевался, да Шурка Жуков меня в бок двинул:

— Чего ворон считаешь? Айда ловить лодырей!

А в курилке — словно газовая атака. Стали мы тут рабочих стыдить. Ну, кто смеется, а все же бросает цыгарки и идет работать. А один нас чуть не в бога покрыл.

— Вы, говорит, щенята, шпионите!

Один инженер хотел нас из цеха пугнуть.

— Вы, говорит, в машину попадете, а за вас отвечай.

Ну, а нас не испугаешь. Пришли мы в механический. Прямо к предцехкома — Фомину.

— Кто тут у вас, говорим, за главного прогульщика?

— А вон, говорит, строгальщик Красавцев.

Меня словно ужалило.

— Как, Красавцев?

Глянул я — и верно. Стоит у своего станка мой отец. Первый раз видел я его на работе. Ссутулился, цигарку свертывает. Усами что-то бормочет, а станок в холодную ходит.

Шурка меня глазами подковыривает, а у меня — холод в пятки. Ну как он скажет рабочим мою фамилию? Впервые я за отца покраснел.

— Вот он всегда так,— говорит парнишка из его бригады.— Рабочий он замечательный, знающий, а бригадир — никудышный. Работает — тюк да тюк, по-старинке, как у хозяина. То за заказами пойдет и зазимует где-то, а мы за него работай, несмотря, что он нас на рязряд выше... Горе, а не ударная бригада.

— Лодырь он—первоестественный,—говорит Фомин.—Два раза мы его провожали с завода, выпившего. Пользуется он тем, что заменить его некому. Лодырничает и прогуливает...

Тут-то я и узнал многое про своего отца. Оказывается, он и на заводе в обед выпивает. Придет к станку, руки дрожат, молчит, только в усы хлюпает. Один раз при нем в бригаде два станка „запороли" — сломали. Другой раз он поленился исправить штампы, только подчистил их и сдал за годные, а в штамповочной из-за этого большой брак получился. Задержит он работу — в других цехах простои, недовыработка, а десять таких рабочих — вот и прорыв.

— Давай,— говорит Шурка,— на черную доску его запишем!

— Давай,—говорю. Раньше-то мне было интересно ловить лодырей — это вроде как участвуешь в картине с приключениями. А тут разонравилось мне что-то.

Написали мы на черной доске:

„Позор прогульщику и лодырю Красавцеву. Требуем снять с него звание ударника".

Рабочие смеются:

— Во-во,— говорят— верно!

А я не помню, как домой смотался. Дома и вышла стычка.

Вернулся отец выпивши. От обиды — часы упустил.

— Так, так,— говорит,— Пашка, сынок! Это за мои-то заботы! Меня через тебя с бригадиров снимают!

Насупился, захлюпал в усы. Жалко мне его стало. И тоже словно чужой он мне стал.

— Давай,— говорю,— заключим с тобой договор на соревнование. Ты — чтоб лучше работал, а я — чтоб учился.

— Чего,— говорит,— работать. Все равно, нажьмешь — а тебе расценки снизят. А мне,— говорит,— ваш договор сапоги даст? А питание улучшит?

Что я ему скажу? На другое утро он и вовсе не пошел на работу.

— Ты что,— спрашиваю.

— Я, говорит, на заводе сказал, что руку зашиб. Погуляю. Узнают тогда, как на черную доску писать. Ох, Пашка! Клоп ты еще. Ты бы как я на буржуевых заводах погорбатился — не так бы запил.

— А увидят если?

— То и лучше. Я на такой случай себе и местечко подыскал — и к дому ближе, и платят больше.

Раскипятился я.

— Так ты ж, говорю, злой прогульщик. Летун!

И рассказал ему, как рабочие ругали таких летунов. Их мы много нашли, особенно в давильном и эмалировочном цеху. Поступит такой чернорабочим. Проработает месяц. Обидится, что ему спецодежду не дают. И гуляет, чтоб его уволили. Получит выходные — и на другой завод.

„Сволочи,— говорят про них рабочие.— Они-то нам и срывают дело, завод грабят!"

— И тебя, говорю, так называть будут.

— Что-о? Да я, говорит, не для тебя ли стараюсь, чтоб побольше зарабатывать?

— Не надо мне, кричу, такого заработка!

Убежал я в отряд. И там не на месте. Ребята пристают:

— Чего опять твоего батьки нет на работе?

А мне обидно. Чего ни у кого батьки не прогуливают, а вот мой такой?

— Болен он,-говорю.—Руку зашиб.

А сам не смотрю на ребят.

— Ну, так и дыши,— говорит Шурка.— Мы его и обследовать не пойдем.

Стали мы тут писать специальный номер стенгазеты. Поместили туда целую сводку — такую:

На Москворецкой фабрике ребят не пустили работать в цехах. Так они наклеивали на коробки с папиросами ярлычки с фамилиями прогульщиков. Затейники выступали в цехах с цифрами прогульщиков.

На заводе „Серп и молот“ и других ребята на квартирах заключали договоры с рабочими, чтобы не прогуливать в школу и на работу.

В 14-й типографии ребята придумали сделать „похороны“ самого главного прогульщика.

На макаронной фабрике пионеры помогли на 17% повысить выполнение промфинплана“.

Стали мы также писать для завода плакаты против прогульщиков. Мне ребята говорят:

— Зря твой отец не на работе. Его бригаде поручено делать какие-то части для нового мавзолея Ленина. Вот бы нам поработать у станков.

„А отец-то“,— думаю.

А тут еще Шурка Жуков влетает с газетиной, как заводной:

— Слушайте, чего ребята учудили!

И читает:

„Пионеры базы при заводе им. Карла Маркса, в Ленинграде, помогли заводу выпустить сороковую сверхплановую ватерную машину.

Вместе с комсомольцами они работают над выпуском двести первой чесальной машины.

80% рабочих по вызову пионеров закрепились на заводе до конца пятилетки, 100 рабочих вступили в ударные бригады.

Рабочие и райком решили просить правительство о награждении пионер-базы орденом Трудового красного знамени“.

— Вот как надо работать!

И тут я словно очнулся. Вот как другие ребята работают. А я отца-прогульщика покрываю.

Да как брякну я:

— Ребята! А ведь я сбрехал!

И рассказал им про отца.

. . . . . .

На другой день в цехе был тарарам. На отцовском станке висел большущий плакат.

„Это — станок злого прогульщика, лодыря, пьяницы, летуна — Красавцева. Позор! Требуйте над ним показательного суда!“

Не хочу я рассказывать, что у меня было с отцом. Только не вышли его затеи. Пришел он в завод, а его в завком — и ну гонять да стыдить!

Передали дело в заводский „трибунал“, который выбрали, чтобы судить прогульщиков. Отцу теперь не уйти миром с завода. Или заставят обещать, что исправится, или исключат из профсоюза.

И все — через меня. Многие назовут меня неблагодарным к отцу. И я так думаю. Только думаю и другое: уж очень стыдно иметь такого отца. И я думаю, что я все-таки прав. Ведь верно, ребята!

Пашка Красавцев

P. S. Пусть-ка теперь Моська назовет нас „грабаками“!

ЗА НОВЫЙ

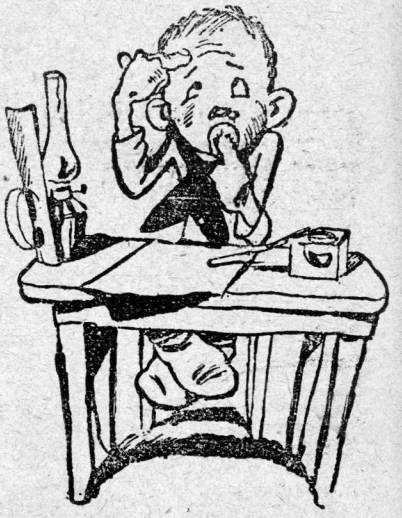
В глуби
шахт
кайло кроши,
Угольные
толщи,

Эй, ударник!
Последней декадой
Нам кричит производственный год:
Состязаньем,
Буксиром,
Бригадой—
Подгоняй отстающий завод.

МЕХАНИЗИРОВАННЫЙ ДОНБАСС!

Угля, нефти
и машин,
Дай, товарищ, больше!

СПАСИТЕ, БРАТЦЫ, ПОГИБАЮ!



ЧЕРНАЯ борода уже поседела. И ни разу за эту долгую, долгую жизнь дедушка не спускался в шахту. Жизнь прошла на земле.

Дедушка батрачил. День как день. Были голодовки, побирался, кулаку в пояс кланялся. Прошли эти годы.

По стране проходила мобилизация на угольный прорыв. Больше семидесяти тысяч батраков шли на штурм.

Пошел и дедушка.

В шахте дедушку повели на пласт, с пласта — на лаву, где проходит добыча.

„Вот она, земля-то", думал дедушка.

Пришлось пробираться на животе к лаве. Маленькая дыра, по ту сторону которой забойщики подпирают черные „потолки" лесом, чтоб не осыпалась порода. Уголь прорублен широким пластом, а от земли до потолка — метр. Только столбики подпирают потолки. За столбиками, как в клетке, силуэты рабочих.

Дедушка лез в дыру за десятником. Голова, грудь и руки там, где добыча. Живот и ноги — еще не пролезли. Дедушка ухватился за выступ, но поддаться не может. Ткнулся назад — не проходит. Застрял. Стало жутко. И закричал:

— Спасите, братцы, погибаю!

Десятник, вынырнувший из темноты, „спас" дедушку одним толчком.

Дедушка выскочил из дыры и уселся на угле.

— Ну что, дедушка, упарился?

Молчит.

— Дедушка, работать надо-ть.

— Смотрю я на эти палочки,— показал старик на крепь,— и думаю: а впрямь большевики говорят, что земля это ничто, если вся она вот на таких палочках держится.

КАКОЙ ГОД ЛУЧШЕ?

Есть загадка: „Через дорожку проживают, а друг друга не знают":

Что такое?

— Глаза.

— Почему?

— Да нос мешает.

В Кадиевке есть школа. И пионерский отряд. Пло-о-хой отряд! Есть и рудники. Богатые углем рудники. Много работы на рудниках. Даже дедушка пошел на рудники.

Школе нос мешает. Не знают ребята, на чем свет стоит. О „палочках" не знают. О рабочих не знают.

— А вспомните, говорю, ребята, 1927 год.

Вспомнили ребята, как физкультурой занимались. Вспомнили, как под команду как солдатики шагали:

— Ать-два — левой!

— А какой год, говорю, лучше был?

— 1926 год лучше был.

— А вспомните, говорю, ребята, 1928 год.

— 1927 год лучше был.

— А вспомните 1930 год.

Вспомнили ребята, как отряды не собирались, как резолюции выносили, как митинговали. Все вспомнили.

Про угольный прорыв только забыли.

— А дальше, говорю, как?

Молчат. Не знают ребята, ничего о рудниках не знают.

Энтузиасты без усов — это мечтатели о прошлом.

Энтузиасты без усов — это кадиевские пионеры.

Нужны ли нам такие энтузиасты? Помогают ли они работать? Дедушка, который думал, что столбы, которые спасают шахтеров от смерти, поддерживают всю землю, говорил после:

— Время, горячее время. Это не 1926 год. Умирать не хочется. Дюже работать могу.

А где же силы пионеров? Где силы молодых энтузиастов?

Неужели они уступят дедушке?

Спасите, братцы, погибаем!!!

Не-повесть

ПРОГУЛЬЩИКА

НАЧАЛАСЬ вся история из-за пустяков.

Месяца три назад у жениной сестры в деревне была свадьба. На свадьбу меня завод не отпустил бы, это факт. Начали бы с промфинпланом — и капут. Ну, а разве мог я отказаться погулять на свадьбе у родни? Ясно, нет! И вот я самовольно уехал и прогулял пять дней. Много пили мы, много ели, пели песни... Известно, на свадьбе уж не скучаешь! Приехал — думаю, уволили. Оказалось, ничего подобного. Толстый Иванский вызвал меня в контору и объявил строгий выговор с предупреждением:

— Твое счастье, Ермилкин, что сейчас недостаток рабочей силы, а то мы бы тебе расчет дали,— сказал он, сердито глядя через роговые очки.

— Давайте, бога ради, такого токаря любой завод с руками оторвет,— отвечаю я.

Но расчета мне не дали. Ну ладно, будем здесь и дальше работать. Прошло два дня. Однажды прихожу утром на завод, смотрю, все читают заводскую газету, переговариваются между собой и на меня по-особенному как-то смотрят, пальцами показывают. Подхожу я к рабочим, которые вместе со мной работают, здороваюсь и спрашиваю как всегда:

— Ну, как дела? Как сажа бела?

Но все насупились и на меня не смотрят. А Николай Михайлыч, что со мной семь лет работает, со злостью взглянул на меня и сказал:

— Хорош, Ермилкин, хорош... Завод на черной доске, а ты на свадьбах гуляешь... Наша бригада вон трое суток без сна работала — починяли взорвавшийся заводской гудок...

Его слова и нравоучительный тон меня поразили:

— Ладно, Николай Михайлыч, нечего меня агитировать! — закричал я.— Ты, кажись, не комсомолец, не Петька Курыгин, который...

Но тут мне в лицо полетел скомканный газетный лист. Курыгин, первый в цехе ударник, с которым я вечно был на ножах, бросился ко мне с перекосившимся лицом.

— Сво-олочь!— заорал он.— Мы все силы на промфинплан отдаем, подыхаем прямо, а ты лодыря гоняешь! Тебе завод не дорог! Тебя, проклятого, никак соревноваться не уговоришь!

Молокосос опять вздумал учить меня! Это меня окончательно взбеленило. Главное — никто из рабочих меня не пробовал защищать, даже Терентьев, с которым я пил когда-то, молчал. Видно было, что он за них.

Я хотел продолжать оправдываться, но загудел гудок и все разошлись к станкам.

Уда-арники, полминуты боятся потерять! Комедия одна.

Я поднял газету, чтобы свернуть козью ножку, но увидел в ней такое, что чуть не выронил лист.

В правом углу газетной страницы крупными буквами было напечатано:

**ПРОГУЛЬЩИК ЕРМИЛКИН ПОЗОРИТ ЦЕХ:
НА ЗАВОДЕ ПРОРЫВ, А ОН ГУЛЯЕТ НА СВАДЬБЕ**

Под этими словами был напечатан мой портрет и короткая заметка в черной рамке:

> ***Машиностроительный цех — самый важный на заводе. От его работы зависит бесперебойная работа. Однако промфинплан в цехе за десять месяцев выполнен лишь на 58 3/0 Токарь Ермилкин, чисто являющийся на работу подвыпившим, прогулял пять дней, поехав в деревню.. на свадьбу.***
>
> ***Позор Ермилкину! Мы призываем рабочих цеха об'явить ему бойкот.***

Так вот как со мной обращаются! Травят человека! Вместо того чтобы помочь мне, сочувствовать... Ну, подождите же!

Я, стиснув зубы, бросил газету и встал к своему станку.

Работа двигалась туго. Черти, испортили настроение. В перерыв я пошел в уборную, вынул из-за пазухи полбутылки и слегка дербалызнул. Кое-как дотянул до конца смены и пошел домой. А нормы не сделал. Ладно, я не ударник, пусть они стараются...

Прихожу домой — скандал. Нюрка пришла из фабзавуча и жалуется, что ее ребята задразнили:

— Ну, как твой отец после свадьбы-то? Опохмелился?

И учитель на дороге при всех спросил:

— Ермилкина, это про вашего отца в газете напечатали? Что же вы не стараетесь перевоспитать его?

Нюрка лежала на постели и плакала. Ее белобрысая голова вздрагивала, голос дрожал:

— Ну как я его пере-вос-пита-аю... Напьется и опять драться бу-удет...

А я и припомнить не могу, когда бил ее... Вот память у ядовитой девчонки! Пере-вос-питать! Не доросла еще...

Я не смог сдержаться, подбежал к кровати и влепил ей затрещину. Она заревела еще пуще.

Видя, что дома хорошего не дождешься, я ушел, сердито хлопнув дверью. Куда? Конечно, в пивную. Не в клуб же, в самом деле! В пивной все же музыка, кое-кого встретил, здорово выпили. Не знаю, как домой попал, назавтра опоздал на работу. Просыпаюсь 10 — часов утра, голова трещит. Чорт подери, опять прогул. Вот не везет!

Прихожу через день на работу, замечаний нет. Все молчат. В обед смотрю — идут ко мне несколько рабочих: Николай Михайлыч, Архипыч и Терентьич.

— Слушай, Ермилкин, мы пришли с тобой по-дружески поговорить. Агитировать мы тебя не будем, ты сам знаешь, как важна работа нашего завода, который поставляет оборудование для каменноугольных шахт. Вот сейчас лозунг новый — механизация шахты...

— Знаю, знаю! Говори прямо, чего надо?! — оборвал я его.

— Так вот, не дело ты делаешь, Ермилкин. И газета на тебя не подействовала. Брось, понимаешь, твои штуки и начинай работать вместе с нами!

Вот черти! Опять пристали. Хоть бы по-человечески в душу ко мне заглянули и поняли, что я не виноват! Нет же, опять меня винят!

Ни слова не ответив, я повернулся и ушел от них. Я окончательно решил, что мне обязательно нужно уйти с завода. Здесь мне житья не будет. Но меня не отпустят, все-таки они хоть и ударники, а такого токаря, как я, не сразу найдешь... Ладно, раз прогульщик, так прогульщик! Буду еще прогуливать, пока не уволят. Тогда поступлю на другой завод. Кстати, и денег больше буду получать, токари всюду требуются.

Прошло две недели. За это время я прогулял еще один день — в очереди за сапогами стоял, а два других тоже по домашним причинам. 20-го числа иду на работу, смотрю — на дворе здоровая черная доска, на ней написаны фамилии злостных прогульщиков. Моя фамилия — на первом месте. Плевать, пусть... Но хуже всего было, когда я пошел получать деньги. Зарплаты мне не дали в общей кассе, а отвели для прогульщиков особую, с надписью:

ЧЕРНАЯ КАССА ДЛЯ ЗЛОСТНЫХ ПРОГУЛЬЩИКОВ

Ах сволочи, прямо изверги какие-то! Стою я в очереди, а кругом смех:

— Ишь, очередь-то... Все как на подбор. Ермилкин впереди, как вождь...

Окончательный удар для меня случился 28 октября. Утром пришел парень из завкома и сказал, чтобы я после работы не уходил, а пришел во двор, к трибуне.

Я сразу подумал: что-то неладно... Еле дождался конца работы. Перед выходом из цеха немного клюнул для бодрости. Выхожу — двор полон рабочими. Шум, крики. У дверей меня дожидался Алексеев из комсомольской ячейки. Мы подошли к трибуне. Как только я поднялся на трибуну, оркестр заиграл похоронный марш. Все засмеялись. У трибуны я увидел четыре заколоченных гроба. Вся эта странная обстановка — похоронный марш, четыре гроба и ни к селу, ни к городу веселые лица окружающих — так подействовала на меня, что мне стало казаться, будто я нахожусь во сне.

Оркестр перестал играть. Алексеев сказал:

— Надгробное слово предоставляется председателю завкома товарищу Афонину.

Все затихли.

— Товарищи,— начал Афонин,— сейчас проходит ударный квартал. Мы напрягаем все силы, чтобы выполнить программу и снять завод с черной доски. А такие злостные прогульщики, как Ермилкин, Федосеев, Овинчук и Еликов, подрывают нашу работу и всячески стараются сорвать промфинплан. И вот мы сегодня хороним их, а вместе с ними косность, отсталость и лень...

После этого оркестр опять заиграл похоронный марш. Несколько комсомольцев и пионеров под музыку и общий хор опустили гробы в яму и стали засыпать ее землей. Через несколько минут над поверхностью вырос могильный холмик. Тогда на него поставили три бутылки водки и тарелку с солеными огурцами.

Опять заговорил предзавкома:

— Товарищи! Мы похоронили четырех прогульщиков, но они еще могут воскреснуть для нас и работать как следует... Это зависит от них. А в ответ на их позорное поведение весь машиностроительный цех объявил себя закрепленным до до конца пятилетки.

Здесь раздались аплодисменты. С речью выступил Николай Михайлыч. Его стащили с трибуны и начали качать, а оркестр играл „Интернационал“ и туш.

Понемногу народ стал расходиться. А я присел на ступеньку трибуны и закурил. Прямо напротив меня находилась могилка, на которой стояли три бутылки русской горькой. На темном фоне ярко выделялись красные запечатанные головки и зеленые этикетки.

Через полчаса на дворе уже никого не было. Первая смена ушла, а вторая работала полным ходом.

Я встал, оглянулся по сторонам, взял с могилки три бутылки горькой и засунул их в карманы. Затем как ни в чем не бывало, прошел через проходные ворота и направился домой. Дома никого не было. Жена ушла в кооператив, Нюрка—в фабзавуче.

Я вынул бутылку из кармана и сильно хлопнул рукой по дну. Пробка с треском выскочила и ко мне в рот полилась... обыкновенная вода.

Вот, сволочи, издеваются!.. Ну что мне делать, что делать? Нет, видно, они не в шутку решили угробить меня.

Обработал Бор. Мейлах

ИЛЬЯ МЫШАЛОВ

КОНЕЦ августа. Черные оттиски свинцовых типографских букв кричали:

ТРЕВОГА!

Тракторный цех „Красного путиловца" позорно отстает.

„Красный путиловец" недодает стране 1300 тракторов.

Все силы — на ликвидацию прорыва!

Действительно:

Тысяча триста тракторов. **Тысяча триста** толчков к коллективизации сельского хозяйства. **Тысяча триста**... недодает „Путиловец"...

На „Путиловце" прорыв.

Черным, бездонным мраком отдает слово **прорыв.**

В чем дело? Как ликвидировать прорыв?

Как за месяц до конца второго года пятилетки снять имя завода с черного круга прорыва?

СЛОВО РЕБЯТАМ

В редакции „Ленинских искр" на легкой кавалерии деткоры решили тоже принять участие в ликвидации прорыва.

Решили создать сквозную пионерскую бригаду по ликвидации прорыва на „Путиловце". Сквозную, потому что выпуск трактора на „Путиловце" тесно связан с производством частей к нему на других ленинградских заводах — „Знамя труда", „Красный гвоздильщик" и т. д.

Деткоры сказали:

— Разобьемся в лепешку, а сделаем!

И действительно —

ПОШЛА РАБОТА

Пионерская база „Путиловца".

— Вы насчет производственного похода? М-мы-то не прочь... Да ведь нам к МЮДу готовиться. Вот проведем, тогда что же... Можно и начать, — заявил предбазы приехавшим деткорам.

Долго бились деткоры с оппортунистическими настроениями вожатого, долго ездили, настаивали и наконец у цехов завода появились крикливые плакаты:

СМОТРИ!

Это злостные прогульщики нашего цеха:

1. Дьяконов.
2. Петров.
3. Серов.
4. Раздувалов.
5. Сергеев

Это сделали пионеры „Путиловца"

„ОБЕЩАЮ БЫТЬ НА ЗАВОДЕ".

В тракторном цехе шум, лязг...

И среди огромных шкивов трансмиссий мелькают ребята... Они подходят к рабочему.

— Дядя, а дядя? Ты останешься до конца пятилетки?

— Отвяжись, поганец! Мал учить... Чего хочу, то и буду делать. Сопливец!

— А ты знаешь, дядя, — не угомонивается парнишка лет 12 в желтом каргузе, облезшем пальто и калошах с меткой школьной раздевалки „531", — ты же этим пользу государству принесешь. Ведь от летунов и прорывы все...

Паренек говорит... Говорит, точно не на заводе, в цехе, где шум, лязг, а в школе, на собрании форпоста.

Рабочий начинает слушать.

Поднимают головы и близстоящие.

Напрягаясь, силясь услышать через окружающий шум, паренька окружает кольцо. Кончил.

И дружные аплодисменты, пронизанные искренностью, совершенно не похожие на театральные, потрясают цех.

— Эх! Ну и угрел же ты, — шамкая и сопя говорит пожилой рабочий, затем берет карандаш и и на листке с надписью: **„Обещаю быть на заводе до конца пятилетки"**, ставит коротенько „Резетов".

А за ним — целая очередь...

„ПРОРЫВКИНЫ"

Пионерия била тревогу, пионерия действовала.

На заводе „Знамя труда" пошли школьники и пионеры ФЗС вне очереди проводить практику на завод, помогая ликвидировать прорыв.

Пионерия „Большевика", рыская по Ленинграду, выволакивала из домов злостных прогульщиков на работу.

А последние, являясь на работу, как бы „оправдываясь", заявляли:

— Ох и черти же!

Сквозные бригады проникли и на другие заводы, стоящие на стороне „Прорывкиных".

Пионеры ходили, высматривали, замечали...

Уменьшались прогулы, а у так называемых неизлечимых прогульщиков" вывешивали около их квартир такие плакаты:

НЕ СРЫВАТЬ!

Позор!

В этом доме (№ 18, кв. 4) живет злостный прогульщик фабрики „Скороход"

— Чорт ее знает! Прямо я чудом стал после того как у моего дома плакат вывесили... Ни пройди никуда. Везде пальцем тычут. Пошел с горя на работу. Зашел к пионерам: „Снимите", говорю... А они мне: „Снимем, если ты прогуливать перестанешь и до конца пятилетки закрепишься..."

Сделал я все, что они предлагали, а теперь — как человек, как **гражданин** хожу...

ДНИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ТРЕВОГИ

„Изыскивали мы все новые и новые формы борьбы... Вскоре появилась в „Литгазете" статья Безыменского — „Стихи делают сталь". Переняли мы оттуда пример с эпиграммами. Да вот только местком протестовал, чтобы наклеивали на стаканы... Что делать?.."

Это — строки из письма пионера базы „Знамя труда" № 2.

(Окончание на 36 стр.)

МАКС ГЕЛЬЦ

В РЕДАКЦИИ „ПИОНЕРА“

Многие ребята не всегда понимают, что творится кругом, и часто говорят:

— Да что мы можем сделать? Вот когда будет война, тогда мы выступим как один.

Они, как слепые, ничего не видят, не знают, как, где и чем можно помочь социалистическому строительству.

Макс Гельц рассказывает о том, как борются пионеры Германии за улучшение своей жизни.

Наши пионеры и школьники обеспечены питанием, одеждой и др. лучше, чем пролетарские дети Германии.

Задача каждого пионера и школьника — рассказать непонимающим товарищам, в чем разница положений германских и советских пролетарских ребят.

Бороться в Германии против капиталистического строя и участвовать в строительстве СССР — все это дела, которые укрепляют обороноспособность нашего Союза.

Тов. Макс Гельц.

МАКС небольшого роста, подвижной человек. Множество морщин разветвляют лоб и опутывают глаза, но это не морщины старости. Голова Макса — это географическая карта со многими мелкими и крупными рубцами. У затылка—глубокий шрам пальца в два глубиной. Это подарок последней стычки с фашистами. Макс вынимает трубочку и показывает толстый кусок стекла (происхождение — пивная кружка) с острыми зазубринами по краям. Это стекло извлечено из головы Макса уже у нас, в СССР.

Несмотря на позднее время, Макс с увлечением говорить о пионерах Германии. Он рассказывает:

«Комсомольское и пионерское движение в Германии закономерно пережило разные этапы в своем развитии. Когда волна общего боевого настроения в стране поднимается, комсомольское и пионерское движение быстро растет. Численно очень большим оно было 3—4 года назад. Буржуазные страны — страны интервалов. То бурный скачок вперед, то назад. Уже в прошлом году пионерское движение сильно пошло на убыль — осталось всего 8 000 тыс. пионеров.

Германия — страна, богатая всякого рода планами. План Дауэса, план Юнга и др. в первую очередь имеют отношение к рабочим и их семьям. Я знаю, что положение школьников в Германии из рук вон плохо. Положение учителей не лучше. Народное образование в Германии всегда стояло на высоте. Многочисленные планы сократили сеть школ и сотни тысяч учителей наполнили теперь лагерь безработных.

Ребята-школьники чувствуют, что называется, на своей собственной шкуре, все это тяжелое состояние. Германия платит долги. Она погрязла в них после империалистической бойни. Каждый пионер знает и понимает это. Горячие завтраки в школах теперь сокращены и ребята ничего не едят почти целый день. Даже зубы теперь не лечат ребятам. До сих пор молчавшие ребята громко заявили о своем существовании. Ребята бастовали, устраивали стачки. Они ходили колоннами по улицам со знаменами и плакатами. Фашисты, полиция, известные и ненавистные всему пролетарскому Берлину «шупо» в таких случаях всегда бывают на месте.

До чего глуп Цергибель и его приспешники! Полиция с одинаковым рвением опускала свои резиновые палки на головы детей. Ребят арестовывали, подвергали утонченным и длительным допросам. «Кто научил бастовать?» «Откуда эти бунтарские наклонности?» — вот вопросы полиции. За время предвыборной кампании я сталкивался часто с пионерами, очень интересовался их жизнью и работой.

— Ну, ребята, как поживаете?

— Очень плохо, Макс. Нас очень преследуют. Мы демонстративно являемся в школу в красных галстуках. Дети фашистов издеваются и смеются над нами. Учителя бесцеремонно срывают наши галстуки. Но ничего, Макс. Знаешь, мы энергично боремся с учителями.

Я побывал на школьном дворе во время «паузы» — перерыва. Ко мне подбегает заплаканный пионер — мальчик лет 11-12.

— Знаешь, Макс, меня учитель побил.

Я закричал:

— Тебя бил учитель?

— Да, очень больно. И знаешь, Макс, я не очень провинился. Я только вышел из рядов. Больше ничего.

Я вместе со своим товарищем быстро поднялись на верх, разыскали учителя и учинили форменный допрос.

— Объясните пожалуйста свое поведение. Вы избили мальчика. — Я видел по лицу учителя, что он смутился.

— Но ребят нужно учить всему — и дисциплине.

— Неужели же вы не можете найти ничего более остроумного, чем битье? Ошибаетесь, дорогой герр. Я прожил в Советской России год, я видел там все другое, новое. Там совсем по-другому живут и взрослые и дети.

И я рассказал ему многое, что видел в СССР.

Учитель слушал, развесив уши.

Я знаю много случаев, когда пионеры были настоящими помощниками в нашей борьбе. Однажды я должен был выступать на митинге. Обычно перед выступлением мы всегда организовываем красную оборону, которая защищает наших товарищей. Фашисты уже точили зубы. Они предвкушали удовольствие видеть меня бездыханным, в крови. Милая их сердцу картина! Резиновые палки, пивные кружки, даже стулья нетерпеливо ожидали своего вмешательства. Мы уже уселись на подводы. Все готово к отъезду. Неожиданно я увидел возле себя мальчика-пионера с горном в руке. Он умоляюще смотрел на меня.

— Макс, голубчик, возьми меня с собой.

— Что ты говоришь, ребенок? Мы едем на тяжелую борьбу и не уверены, что эти деревья еще раз увидят нас.

— Макс, ты увидишь, я помогу вам.

Мы подняли мальчишку за голову и посадили его с собой. Митинг собственно был фашистский и всех наших товарищей ни за что не хотели пускать. Впустили только меня и еще 4 рабочих. Не успел я взойти на трибуну и открыть рот, как пивные бутылки, яблоки и всякая дрянь посыпались на меня.

Эх, чорт возьми (Макс знает по-русски только эту фразу и говорит ее так: «Чорт вочми»)!

Зверское избиение началось. Все смешалось. Я мельком видел, как наш пионер незаметно пробрался в зал. В ту же секунду он пулей выскочил на улицу. Я услышал его дребезжащий, неестественно тонкий голос:

— Товарищи, Макса бьют!

Наши ворвались и вырвали меня из рук фашистов. Я очнулся и увидел себя лежащим на столе. Товарищи обмывали мне свежие раны. Город фашистский и раздобыть доктора для коммуниста — дело безнадежное. Я спросил:

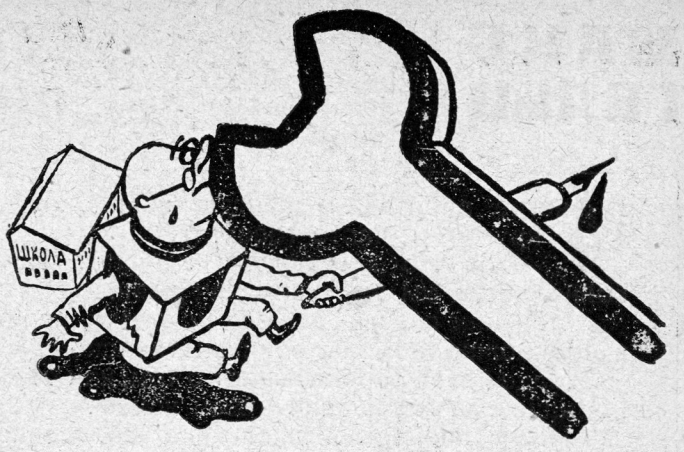
— Где мальчишка?

— Он уехал домой со следующей подводой. Он оправдал себя. Мы не пожалели, что взяли его с собой.

Вот как живут и борются пионеры Германии.

Каждый наш пионер твердо знает, что такое старый кулак красного фронтовика и боевой призывный клич.

ЗА НОВЫХ ЛЮДЕЙ



(ИЗ ДОКЛАДА ТОВ. РАЗИНА НА ДЕТКОРОВСКОМ СЛЕТЕ)

(Окончание)

Рисунки В. МАЗРУХО

ДЕРИТЕСЬ ЗА ПОЛИТЕХНИЗМ

ПЕРЕЙДУ к задаче политехнического воспитания. Что такое политехнизм? За последнее время об этом пишут очень много. Политехническое воспитание — это такая постановка обучения, в которой вся образовательная работа непосредственно связана с производительным трудом. Это постановка обучения, при которой совершенно устраняется разрыв между теорией и практикой. Это постановка обучения, при которой дети воспитываются раньше всего на активном участии в производительном труде взрослых. Ленин писал, что „нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения". Обязательный производительный труд является условием всеобщего и всестороннего человеческого развития.

Надо прямо сказать, что к нашему деткоровскому слету мы пришли с очень большими поражениями в борьбе за политехнизм. Наши школы в своей массе словесные, оторванные от труда, от производства. Из стен этих школ не выходят кадры людей, которых ждут новые гиганты индустрии.

На каждого из нас, начиная с 10-12-13 лет, государство возлагает большую и ответственную задачу. Но не каждый из вас чувствует эту задачу, думает о ней повседневно, выполняет ее на деле,—в этом наша беда. Не каждый из вас понимает, что через 2-3 года его призовет фабрика или завод. С чем он придет на этот завод, какие новые качества, какое умение и какие общественные навыки он принесет заводу? Только тогда, когда школа станет политехнической, когда она будет связана с производством и станет цехом своего предприятия, мы сумеем дать новые кадры людей. В этом отношении сделаны только первые робкие шаги.

ШКОЛА — ЦЕХ ЗАВОДА

Рабочие завода „Динамо" решили:

„Учебный план своей фабрично-заводской семилетки увязать с производственной программой завода, включить в программу изучения других видов производства: учебные мастерские ФЗС превратить в учебные цехи завода; для старших групп ФЗС организовать производственную практику в тех цехах, где условия производства допускают труд подростков 12—15 лет; для преподавания в школе привлечь инженеров, техников и квалифицированных рабочих".

12-я школа Замоскворецкого района с этого учебного года превращена в фабрично-заводскую семилетку при заводе „Красный факел". Между школой и заводом заключен договор, по которому завод обязался политехнизировать школу. В мастерские школы завод дает 5 токарных станков, все мелкое оборудование и материал для работы. Один из механиков посылается в школу для постоянной работы. Выделено два токаря и один слесарь инструкторами мастерских. Школа теперь — цех завода. Мастерские школы будут работать на завод, будут выполнять его заказы. Труд школьников будет применен во всех видах производственной работы. Завод будет оплачивать труд школьников. Уже теперь вводится производственная практика для школьников 6-й и 7-й групп. Педагоги школы проходят месячные курсы переподготовки.

Таких школ у нас единицы, десятки. На борьбу за такие школы мы не сумели поднять всю пионерскую организацию. К стыду нашему сознаемся, что объявленное сражение за политехническую школу мы пока проигрываем. Армия бойцов — пионерская организация — не перешла еще в наступление по всему политехническому фронту.

ВООРУЖАЙТЕСЬ ТЕХНИКОЙ

Н. К. Крупская часто говорит о необходимости развить среди ребят интерес к технике. Мы живем в век техники, и о ней наши ребята знают чрезвычайно мало. Многие ли из ребят знают об экспедиции академика Ферсмана в Каракум, об открытии острова Врангеля, о том, что мы сумели добиться в этом году передачи изображения по радио, что мы сумели выпустить несколько аэросаней, что мы открыли секрет производства небьющегося стекла и т. д. и т. д.? Много ли пионеров охвачено движением юных техников? К сожалению, нет.

Школьники одной школы сумели построить своими силами мельницу. Пионеры под Москвой сумели полностью электрифицировать свой лагерь. Эти факты надо удвоить, утроить, умножить.

Говоря о борьбе за политехническую школу, за технику, мы не должны свою работу пронизать участием в производительном труде взрослых.

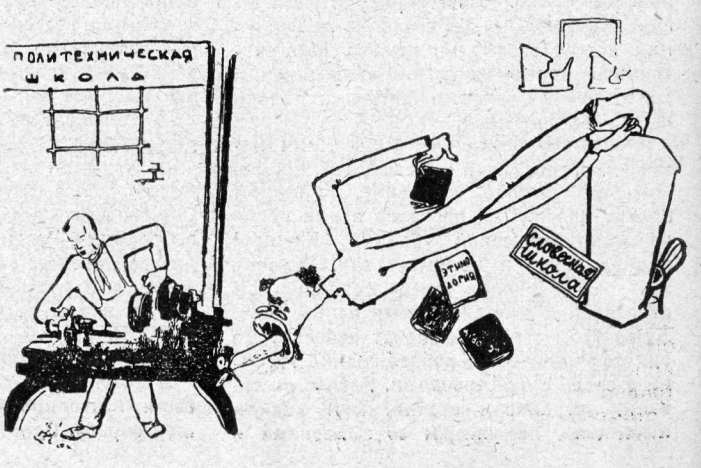
Перед нами стоит задача—в ближайшее время найти те участки промышленности, в которых пионеры могут участвовать.

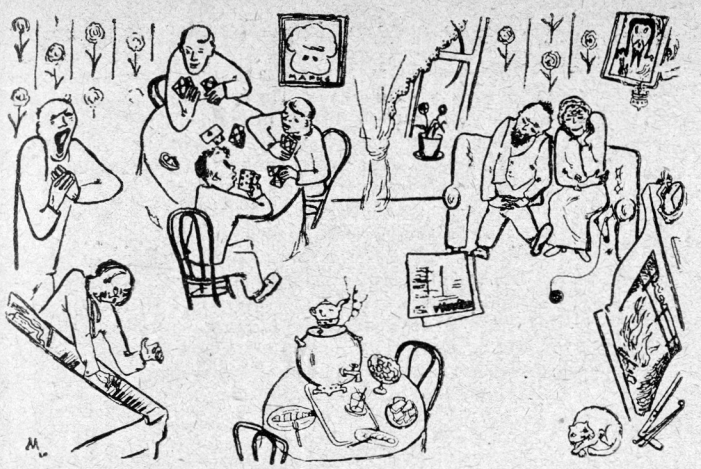
Вместе с вопросом о политехнизме перед пионерской организацией во всю ширь стоит вопрос о всеобщем обучении.

На XVI съезде партии тов. Сталин сказал:

„Главное теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение; я говорю „главное", так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции. А перейти к этому делу давно пора, ибо мы имеем теперь все необходимое для организации всеобщего первоначального образования в подавляющем большинстве районов СССР.

Если в 1887 г. один царский министр писал, что в России только через 125 лет возможно всеобщее обучение, то большевики сделали это возможным на 14 15-м году нашей революции. Но эта задача — борьба за всеобщее обучение—связана с большими трудностями. У нас нет достаточного количества школ, педагогов, парт. Мы должны будем напрягать все усилия, но выполнить эту задачу во что бы то ни стало. То, чего требует от нас задача всеобщего обучения, изложено в приказах №№ 1 и 2 по всесоюзному сражению. Каждый деткор должен стать командиром этого сражения, застрельщиком борьбы за всеобщее обучение и политехническую школу.





МЕЧТЫ ШУРЫ КЛИМОВОЙ

В этой борьбе мы должны действовать не в одиночку, а тесным, сплоченным коллективом. Н. К. Крупская во всех статьях и речах подчеркивает, что важнейшая задача нашего воспитания есть задача воспитания коллективистов. Если весь буржуазный строй и все буржуазные системы воспитания направлены на подготовку индивидуалистов-собственников, то наша задача совершенно противоположная. Нам нужны коллективы ударников, коллективы борцов за новую жизнь.

В прошлом году в журнале „Пионер" велась оживленная дискуссия вокруг письма Шуры Климовой, которая писала:

„... А потом я бы купила небольшой дом с хорошей обстановкой и взяла бы туда всю нашу семью, потому что папа с мамой скоро будут старыми и им нельзя будет работать, а братья будут учиться в вузе. Дома обязательно будут ковры и рояль. Я немного умею играть на рояле, а тогда и вовсе выучусь. В моей комнате будет камин. По вечерам ко мне будут приходить подруги и товарищи моего мужа. Я буду играть на рояле, гости будут танцовать. Мы будем играть в лото и карты. Я думаю, что в лото и в карты играть не на деньги можно, потому что это интересно и ничего в этом плохого нет".

Это письмо является типичным выражением тех мелкособственнических настроений, которые имеются в нашей пионерской среде.

Когда педагоги проводили обследование интересов школьников, то из 390 145 ответили, что хотят работать индивидуально, а не коллективно, потому что тогда „никто не мешает".

ЗА ТЕСНЫЙ, СПЛОЧЕННЫЙ КОЛЛЕКТИВ

Создать коллектив — это не значит собрать 10 ребят, работающих в одной комнате. Создать коллектив — значит установить общую ответственность за общее дело, помогать отстающим, окружать вниманием и заботой нуждающихся ребят.

Тов. Каганович на прошлогоднем слете говорил:

„Многие из этих людей настроены в духе частной собственности, они думают, что при коммунизме людям будет очень плохо. Такой человек прежде всего спрашивает: „Смогу ли я при коммунизме получить хороший серый костюм, такой, какой мне хочется, не навяжут ли мне другой костюм?" Он спрашивает нас: „А смогу ли я при коммунизме выбрать то, что мне лично хочется?" Он прежде всего заботится о своем личном. Он не заботится об общественных интересах. Он плюет на то, что при капитализме он сам, может быть, живет и в хорошей квартирке, получает свое жалованье, спокойненько себе служит, а кругом кровь льется, кругом нищета, люди терзаются нуждой, холодом и голодом. Он на это плюет. Таких — миллионы".

С ними нам, настоящим пионерам, не по пути. Мы будем брать пример с Ленина, Либкнехта, Дзержинского, с людей, которые отдали всю свою жизнь коллективной борьбе. Мы будем для этого всю работу строить сами, широко развивать самодеятельность миллионов пионеров и школьников. Мы хотим, чтобы пионеры стали хозяевами своей организации, и совершенно прав тов. Корчагин, когда он писал в „Пионерской правде", что в массе своей пионеры пока еще не являются хозяевами своих звеньев и отрядов. В течение последнего года мы многого добились в отношении самодеятельности: наши пионерские бюро сошли вниз, к детям, но этого мало, это только первые шаги.

БУДЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТАМИ

Четвертая задача, которая перед нами стоит, — это задача воспитания из наших ребят интернационалистов. Когда мы говорим об интернациональном воспитании, мы не можем ограничиться вопросом о взаимоотношениях между детьми разных национальностей. Дело не только в этом, а в том, чтобы каждый из нас интересовался той борьбой, которая ведется рабочими всего мира, связывая с этой борьбой свои будничные дела.

На первом слете Крупская рассказывала, как Ленин, живя на Волге, наблюдал детей других народностей — маленьких татар, маленьких евреев — и видел, в каком угнетенном состоянии они находились. В нем зарождалось чувство желания помочь им, возмущение этим угнетением. И всю революционную работу он пропитал духом интернационализма. Когда он вглядывался в американское движение, он первым вопросом ставил: а как американцы относятся к неграм? Когда он изучал на практике, наблюдал рабочее движение в Англии, его интересовал вопрос: а как английские рабочие, как масса английских рабочих относится к тем национальностям, которые населяют колонии? Когда он интересовался немецким, французским движением, колониальный вопрос его чрезвычайно интересовал. Он говорил: необходимо братство народов, необходима дружная, объединенная борьба за социализм. Только тогда удастся победить, когда рабочий класс всех стран дружно будет бороться за великую цель — за социализм. И в своей работе он старался сделать все от него зависящее для того, чтобы укрепить интернационал, укрепить международное рабочее движение.

СТАРОЕ БОРЕТСЯ С НОВЫМ

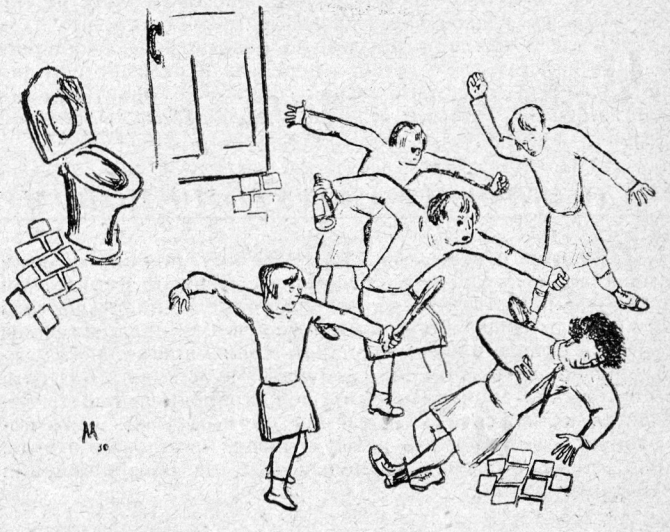
Как далеки многие наши ребята от этого настоящего ленинского интернационализма!

В Гомеле бригада ЦКК Белоруссии провела среди ребят анкету. Один из учеников школы не хотел сидеть на одной парте с евреем. Причина простая: „Не хочу с жидом сидеть". Анкета спрашивала ребят, как они относятся к этому поступку. Часть школьников назвала поступок антисемитским, осудила этот поступок. Другая часть заявила: „Это — личное дело и никого не касается". Третья часть — довольно многочисленная группа — оправдывала поступок юного антисемита.

В Бобруйске еврейская девочка, пионерка, пожаловалась заведующему на свою соученицу, тоже пионерку. Эта соученица обозвала еврейку „жидовской мордой". Еврейке решили отомстить. Группа девочек подкараулила ее, загнала в уборную и стала избивать. Били кулаками, ногами, бутылкой по голове... Били до тех пор, пока та не потеряла сознания.

В 15 километрах от Осташкова, в лесу группа школьников избила до полусмерти школьника-еврея.

В Закавказье мы наблюдаем положение, когда русские ребята относятся плохо к армянским, то же самое в Средней Азии. Национальная рознь — это борьба старого быта с новым. Старое старается нас победить, захватить под свое влияние, и национальная рознь среди детей — не что иное, как отражение классовой борьбы. Мы должны научиться за фактами национальной розни видеть настоящее лицо классового врага, давать ему несокрушимый отпор.



Тип шахтера.

(Начало очерка „Дни боевые“ на 32 стр.)

Желание снять завод с черной доски подвинчивало всех утомившихся. Примером огромной напряженной работы были пионеры.

И не даром приехавший с бригадой „Правды“ на „Красный путиловец“ поэт Безыменский обратился в пионерскую базу.

Дни 2-го года пятилетки подходили к концу.

Дни пролетарской тревоги.

Заводы становились в ряды выполнивших промфинплан. Первым в Ленинграде выполнил промфинплан завод им. Карла Маркса, благодаря небывалой борьбе пионерии за промфинплан.

Постепенно чугунолитейные, металлические, химические гиганты становились в ряды первенцев.

Подводили, подсчитывали итоги...

МИТИНГ УДАРНИКОВ

30 сентября 1930 г. в радиотеатре состоялся митинг участников ударной борьбы — борьбы за промфинплан.

Слово за словом рассказывают ребята о проделанной работе. А после рапорта базы завода им. Карла Маркса выступил рабочий того же завода — Ильин.

— Стыдно было нашим рабочим с 15-20-летним стажем, когда к ним подходил 12-летний пионер и заявлял:

„Не в чистоте вы, товарищ, станок держите!..“ От стыда сгорал рабочий. А уж и блестел же станок после этого!..

И еще рассказывали о том, как пионеры сами собрали станок, ввозимый раньше из-за границы.

— *От имени рабочих завода им. Карла Маркса предлагаю возбудить ходатайство перед ВЦИКом о награждении пионербазы Карла Маркса — орденом Трудового Знамени!*.

Ильин кончил. Громкое „ура“ потрясало Ленинградский радиотеатр:

— Даешь... Орден... Калинычу так и напишите!

ЗАБОТЫ АРХИЕПИСКОПА

Пятая задача — воспитать безбожников. В последнее время церковники и сектанты развернули большую работу среди детей. Прямым следствием этой работы является усиление кое-где религиозных настроений среди подрастающего поколения. Церковники и сектанты применяют целый ряд мероприятий, специально рассчитанных на молодежь. Владимирский архиепископ написал инструкцию „О детях“, в которой предлагает организовать детей в кружки: мальчиков — в кружок „младенца Иисуса“, девочек — в кружок „младенца Марии“, организовать хоры, драмкружки.

Не отстают от „мудрого“ владимирского пастыря и сектанты. Они устраивают вечера с пением, музыкой, играми, угощением, а в конце вечера угощают детей и молодежь душеспасительными речами.

Давайте спросим себя, как у нас поставлена антирелигиозная работа в отрядах. Очень плохо. Мы не обращаем внимания на эту работу. А ведь церковь — это самое худшее, что нам можно противопоставить, это лучшее, что имеется у классового врага. Кулак, классовый враг, не может заманить к себе детей разговорами ни о том, что царь придет, ни о чем-либо другом, но религиозные верования больше действуют на детей, и перед деткорами нам нужно во всю ширь поставить задачу борьбы с религиозными верованиями, которые иногда наблюдаются в детской среде.

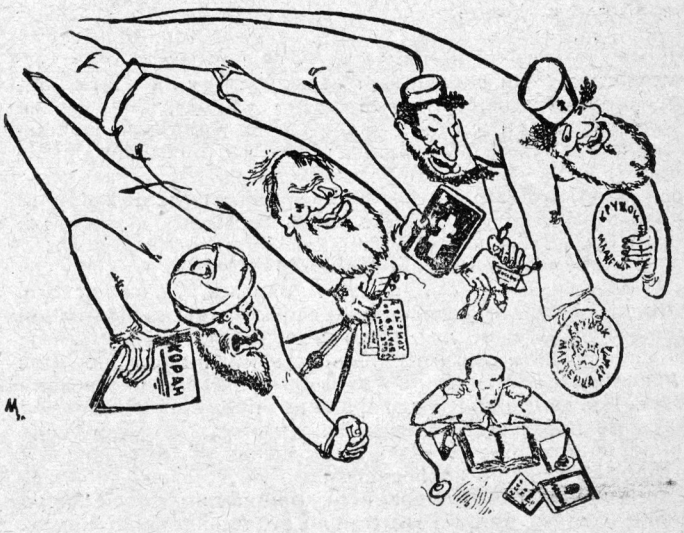
НАДО ЖИТЬ И РАБОТАТЬ ПО-НОВОМУ

Если мы сумеем всю нашу работу подчинить этим 5 задачам, о которых я говорил, то из рядов пионерской организации выйдут действительно новые люди. Мы должны научиться мыслить по-новому, мыслить без предрассудков, смотреть правде в глаза, сознавать свои ошибки. Мы должны чувствовать по-новому, уметь чувствовать радость строительства социализма в нашей стране, испытывать ненависть к классовому врагу. Мы должны уметь жить по-новому, быть пионерами всюду и везде, не только в отряде, но и дома бороться за новый быт, за раскрепощение женщины.

ЛЮБИТЕ ЛЕНИНА И ЕГО ПАРТИЮ

Я думаю, что мой доклад я могу закончить словами, с которыми обратилось Общество старых большевиков к I Всесоюзному слету пионеров:

„Мы не только провозгласили социалистическое соревнование. Мы вызвали на соревнование народы и поколения всего мира. Ленинский лозунг „кто кого“ мы смело бросили в кипящие воодушевлением миллионы рабочих и крестьян всего мира. И миллионные массы подняли этот лозунг. Мы должны учиться и работать, работать и учиться с тем остервенением, которому учил нас великий Ленин всей своей жизнью, всем своим примером. Мы должны привлечь миллионы к преодолению неисчислимых трудностей, стоящих на пути построения социализма у нас и завоевания власти во всем мире. Так выполним мы заветы Ленина! К этому призываем тебя, пионер Ленина. Учись ленинизму, т. е. учись жить и бороться, ненавидеть и любить, побеждать и залечивать раны поражения на великом примере Ленина. Люби и изучай Ленина и его единую партию“.



(Начало „Писем о Донбассе“ см. на стр. 11)

тебе и утер нос. Длинный ты, а загибаешься. А вот тебе еще. Завод ГЭЗ в Харькове, который вырабатывает для шахт разные моторы, не дал еще ни одного мотора для Донбасса по сентябрьскому заказу.

Ты мне теперь не говори о плохих рабочих и разных там зверях. Ты сам крокодил. Такой простой вещи не понимаешь, что главное—это машины. Будут машины, будет и уголь. Эх ты, длинный!

Я вчера записался в манеж на верховую езду. Из наших ребят организуется эскадрон. Нам позволили надеть кавалерийские значки и носить синие нашивки на воротнике. Нигде не могу достать значка.

Цапля тоже собирается записаться в эскадрон. Но куда ей, она еще девчонка. Ей не позволят. Лысый тебе фонарик вышлет.

Ну, пока до свидания.

Гриша Сельский

8 октября.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Гриша, ты не обижайся, что я назвал тебя маленьким. Это я не нарочно, сгоряча. Но все-таки я с тобой не согласен. Одна машина ничего не может в шахте сделать. Главное—люди. Пока рабочий не станет сознательным, культурным по отношению к машине человеком и честным работником, до тех пор будут только ломать машины и пьянствовать.

Знаешь ли ты, что наши горняки послали товарищу Молотову письмо. Они сами признают, что они большие шляпы и растяпы. Они сами заявляют, что их работа никуда не годится. И пишут: „Нам нужно правильно подойти к механизмам, по-новому трудиться, создать бригады“. Рабочие сами понимают, что все зависит от них самих.

Ты не был здесь и не говорил с рабочими. И твой папа тоже не знает, как у нас шахтеры меняются и начинают многое понимать. Вот в бригаде Иванникова 98 человек ударников. Так посмотри, как они все работают. Настоящие большевики. Кроют выше плана почем зря. И машины у них в сохранности.

Даже дядя Вася изменился. Пришел как-то домой, ничего не говорит и только носом шмыгает. Смотрю—плачет. У них на шахте нечаянно сломался вал у врубовой машины. Пятнадцать часов стояла лава без дела. А дядя так привык к машине, у него в бригаде все так за ней ходили, и вдруг сломалась. Обидно стало дяде Васе, пришел домой и заплакал. „Сволочи,—говорит,—сами виноваты, надо было осторожнее“.

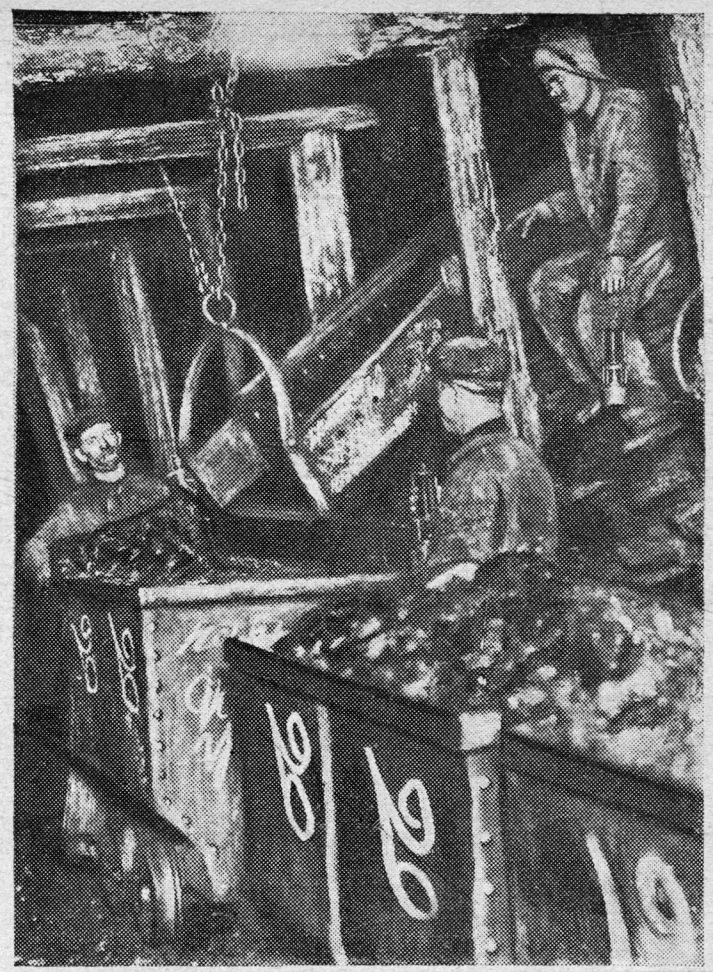
Бригада объявила догнать во что бы то ни стало простои.

Дядя Вася совсем перестал пить. Повеселел. Много рассказывает о лаве. Дружно у них работать стали. По два цикла в сутки нажимают.

Видел я, приезжал к нам товарищ Молотов. Парень ничего себе, серьезный. Подбодрил народ, а кого следует — крыл.

Он тоже говорил, что страна ждет от шахтера уголь, а для этого надо уметь подойти к машине, надо работать на совесть, от всего сердца и с умом. Парень он оказался на большой палец.

Теперь я хорошо знаю, что механизация Донбасса должна итти через новый труд. Надо не потеть и



вертеться под землей в одиночку, а всем сообща, цепью итти на уголь. Чтобы каждый знал, если оступишься, тебя поддержат и спереди и сзади, а если расшатаешься и расхлябаешься, то сейчас же соседний бригадир крикнет: „Пошевеливайся!“

Если ты не веришь, Гриша, то ты просто упрямый. Знаешь что, сходи лучше всего в редакцию „Пионера“, пусть там скажут, кто из нас прав. Посылаю тебе оба твои письма. Покажем все письма по порядку. Пусть прочтут и ответят.

Петя Чижов

Донбасс, 15 октября.

ОТ РЕДАКЦИИ

Ребята!

Вопрос, который затронут в переписке, очень серьезный. Кто и почему по-вашему прав: Гриша сельскохозяйственный или Петя Чижов? Подумайте хорошенько над этим.

Редакция ждет ваших отзывов, а свое мнение выскажет после.

ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫЕ ДЕТКОРЫ

НЕ ЗАБЫВАЙ!

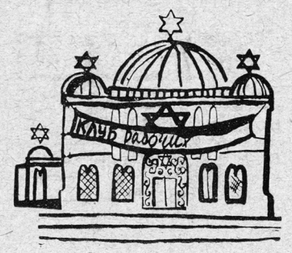
В ПОСЛЕДНЕМ НОМЕРЕ „ПИОНЕРА“ ЗА ЭТОТ ГОД ТЫ УЗНАЕШЬ РЕЗУЛЬТАТЫ КОНКУРСА ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫХ ДЕТКОРОВ

СЕВМОРЗАВОД

В городе Севастополе есть большой завод, на котором отстраиваются и ремонтируются суда. Он занимает площадь в несколько километров. Цех, в котором ремонтируются корабли, называется фундаментным. Он расположен на берегу бухты. Главную его часть составляют два канала — дока. Они вмещают по два корабля каждый. Чтобы не проходила вода, доки с трех сторон обложены камнем и зацементированы, а от самой бухты их отделяет подъемный мост, через который вода также проходить не может. Если кораблю для ремонта нужно попасть в док, подъемный мост поднимают, проходит вода, по которой проводят корабль.

Другой цех называется строительным. В нем корабли отстраиваются заново. Сначала выстраивается корпус корабля. Затем при помощи подъемного крана ставится на место машина, труба и т. д. Когда корабль готов, он по рельсам спускается в бухту, откуда выходит в море. В 1930/31 г. Севморзавод дает стране 2 больших судна, 5 малых грузовых, 4 траулера[1], 1 ледокол, 2 буксира и начнет постройку 10 малых судов.

Деткор ***Виктор Петров***



СИНАГОГУ ПОД КЛУБ

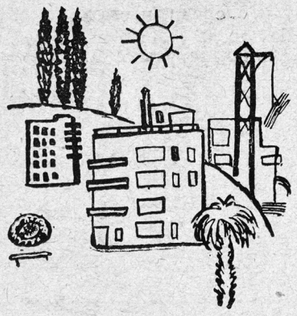
На берегу Двины серой массой застыла крупнейшая в Витебске хоральная синагога. Веками богатые евреи, которые имели средства, чтобы купить себе место в синагоге, ходили сюда по субботам молиться. Бедняков в эту синагогу и на порог не пускали. Прошел 1917 год, прошла революция, а богачи попрежнему ходили в эту синагогу.

Но вот в 1929 г. рабочие швейной фабрики „Профинтерн“ потребовали, чтобы горсовет отдал им помещение синагоги под клуб. Просьба рабочих была удовлетворена. Сейчас на месте бывшей синагоги находится клуб 5 000 рабочих-швейников.— Наконец-то и мы можем войти в этот дом,— говорят рабочие.

Деткор ***В. Озерной***

Витебск

ДОМ МОРЯКА



Если мы спустимся к морю по Красноармейской улице, то по левую сторону увидим дом в три этажа. Он весь серый, покрытый бетоном, с множеством комнат. Это — Дом моряка. Здесь моряки дешево получают квартиру. Тут, вернее, живут семьи моряков, так как они сами плавают на пароходах. Моряки раньше жили плохо, ходили в чем попало и спали где придется. Владельцы пароходов их били. А теперь советская власть заботится о моряках. На пароходах матросов не бьют, досуг проводят весело и организованно. Здесь, в порту, бывают учебные пароходы, на которых обучают матросов.

Новороссийск Деткор ***Н. А.***

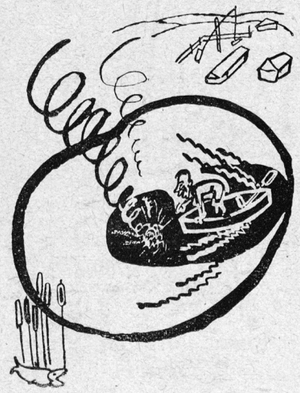
ДОМА ДЛЯ РАБОЧИХ

Уже построены и заселены рабочими три дома в три, четыре и пять этажей. Рабочим здесь квартира обходится дешевле. Проведены электричество и водопровод. Комнаты чистые, светлые. Пристроено много балконов. Ниже этих домов к морю строится четвертый дом для рабочих — дом-коммуна. Здесь будет у рабочих свой кооператив, кино и т. д.

Рабочие живут новой, радостной жизнью. Дети их учатся в школах и работают в пионеротрядах.

Деткор ***Николай Артемов***

Новороссийск



УБЕЖАВШЕЕ ОЗЕРО

У НАС, в селе Анаштаихе, Бийского округа, было небольшое, но глубокое озеро. Однажды мы увидели, что в середине озера вода бурлит, летят брызги, будто в кипящем котле.

После этого стало заметно, что вода в озере убывает. Камыш, который был в воде, оказался на берегу. В половодье озеро переполнилось, залило берега но не надолго, всего на два дня. Потом вода стала уходить так быстро, что через несколько дней озеро опустело. На дне я увидел небольшое отверстие, в которое и ушла вся вода. Оказалось, что вода подземным путем ушла в реку Чумыш, которая протекает от нас в трех километрах. Это мы узнали потому, что в берегах Чумыши нашли такое же отверстие.

Деткор ***С. Полусухин***

с. Анаштаиха

[1] Трауллер — рыболовное судно.

СТРОЯЩАЯСЯ ТОВАРНО-СОРТИРОВОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Когда бы я ни был, всегда станция Днепропетровск заполнена товарными вагонами. Эти вагоны, пришедшие с Донбасса с углем, с Кривого Рога с рудой, расходятся по днепропетровским заводам. Ведь не мало руды и угля требуют заводы-гиганты Днепропетровска. Для того чтобы освободить станцию Днепропетровск, между поселком им. Карла Маркса и Днепропетровском строится товарно-сортировочная станция. Эта станция будет сортировать товарные вагоны и составы по их направлению. Постройка ее началась ранней весной. Она занимает площадь в $4^1/_2$ квадратных километра. Теперь тут работают две тысячи рабочих. Построены интернаты (общежития) для рабочих. Стоимость этой станции в этом году три миллиона рублей. С 15 сентября южная часть закончена и передана Екатерининской ж. д., где уже началась сортировка вагонов.

Деткор ***В. Ивашенко***

ПРИСЫЛАЙ

ЗАМЕТКИ ВМЕСТЕ СО СВОИМИ РИСУНКАМИ, ФОТОГРАФИЯМИ И ЧЕРТЕЖАМИ.

НОВЫЙ ХЛЕБОЗАВОД

В майские дни в Твери состоялось открытие хлебозавода тверского ЦРК. Постройка завода велась в ударном порядке. Когда 2 апреля обнаружились некоторые затруднения в постройке, то группа ударников—плотников, каменщиков, штукатуров, слесарей и монтажников, во главе со старым партийцем тов. Залесовым, твердо решила окончить завод к 1 мая.

1 мая вечером завод заработал.

Он будет работать в 4 смены и будет давать от 43 тысяч до 50 тыс. *кг* хлеба в сутки. Этот завод заменит собой все старые пекарни и даст населению города единого качества хлеб, приготовленный машинами, чистый, без примеси и хорошо выпеченный. Вместо 240 человек, работавших в старых пекарнях, на заводе будет работать только 50.

Деткор ***И. Скотников***

Тверь

В ОБРАЗЦОВОМ СОЗЕ[1]

Соз села Пересечного на Харьковщине можно действительно назвать образцовым. Другого названия к нему и не подберешь, если ближе присмотреться к созовской жизни, если хорошо познакомиться с его организацией и трудностями, какие были на его пути.

Еще недавно он был маленькой артелью, состоящей из 15—20 индивидуальных хозяйств с 10 лошадьми. Машин почти не было.

Недавно в селе раскулачили около 40 кулаков. Все имущество перешло в соз. Это очень помогло.

Теперь в созе уже не 20 хозяйств, а 107. В созовской конюшне было 10 лошадей, а стало 101. Что сейчас есть в созе, не перечесть. В широком сарае стоит трактор, поблескивая новыми частями, выстроились в ряд 12 сеялок, в стороне разместились несколько десятков плугов, веялок, культиваторов, борон.

Почти каждую декаду в соз поступают десятки заявлений о вступлении. Соз села Пересечного растет.

Деткор ***Вл. Бачун***

Харьков

О САХАРЕ

Внешний вид старого красно-пресненского сахарного завода очень неврачен: низкие потолки, маленькие окошечки.

Еще в 1925 г. его пустили и начали вырабатывать сахар-рафинад.

Весной 1927 г. завод стал и заснул надолго крепким сном.

Пришел второй год пятилетки. О сахарном заводе вспомнили. ЦК сахарников утвердил план нового оборудования. Стали приезжать рабочие. Нашлись инженеры и нужные мастера. Но их было мало. Квалифицированной силы нехватало.

— Алло, алло... Союзсахар? Когда же вы пришлете нам рабсилу? Вы срываете план работы!

Так чуть ли не каждый день звонил и писал директор завода, но рабсилы под руками не было. Пришлось затребовать с сахзаводов Украины.

20 марта работа на заводе уже в полном разгаре. Привезли новое оборудование, а старые машины сдали в лом.

„ ... Кровь из носа, а завод пустить в срок!“ Так писал в стенной газете техдиректор завода. Нехватало спецовок, не было инструмента, приходилось делать ключами ту или иную работу вместо молотка.

Но работали, поднимали производительность труда, выходили на соцсоревнование, ударничество.

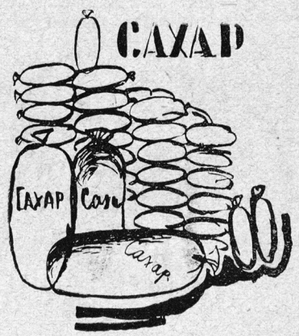
20 июня пустили первое песочное отделение в пробу. До 25-го весь завод работал на пробе водою.

— Ну, надо засыпать, нечего дожидаться,— сказал директор. И по элеватору посыпался желтый, пахнущий тростником песок.

26 июня вечером были засыпаны первые десятки мешков. А уже 27-го в упаковочной лежали десятки тонн чистого, белого, сладкого песка.

Деткор ***Храмов***

Москва



[1] Соз — совместная обработка земли.

ЧТО ЧИТАТЬ о ДОНБАССЕ

ВОЗЬМИТЕ книгу П. Лопатина «Пятилетка в действии» и найдите там главу «Всесоюзная кочегарка». Прочтя ее, вы сразу поймете, какую роль играет уголь в нашей промышленности, ознакомитесь с угольной пятилеткой. Из той же главы вы увидите, какой трудный путь прошел Донбасс от эксплоатируемого капиталистами края, через кровавые бои рабочих с карательными отрядами 1905 г., через разорение 1914 г., через белобандитский разгром и полный хозяйственный развал 1919—20 гг.—к новому, советскому «Большому Донбассу».

«Наперекор всему,—прочтете вы,—Донбасс выздоровел: после починок и достроек выздоровевший Донбасс уже в 1928 г. дал свыше 27 миллионов тонн угля. Мы догнали лучшие годы довоенного развития Донбасса». Сейчас Донбасс усиленно механизируется, заменяя тяжелый шахтерский труд работой машины. «К концу пятилетки процент механизации Донбасса вырастет до 75, дойдя в некоторых районах до 100.

Низкие, душные, сырые землянки дореволюционного «собачьего городка», где ютились рабочие, заменяются крупными, благоустроенными городами:

«... В эту пятилетку в Донбассе будут заложены 12 новых социалистических городов».

Повседневную борьбу Донбасса за промфинплан отражает брошюра Югилевича и Минаина — «В бой за уголь», в которой шаг за шагом прослежена примерная работа 29-й шахты Сталинского округа. Эта шахта прежде других сумела переключиться на большевистские темпы и новые методы работы.

Затем следует прочесть книжечку В. Соболева «Товарищ Артем». В ней много иллюстраций и подробно описана суточная работа крупной шахты Донбасса, носящей имя большевика-шахтера тов. Артема.

Все эти книги недавно изданы, стоят недорого (кроме книги Лопатина, которая стоит 1 р.) и должны быть прочитаны каждым пионером.

Из менее важных и сравнительно старых книг надо отметить сборник «Донбасс», составленный Э. Пименевой и изданный в 1925 г. Он состоит из двух частей: первая — исторические и научные сведения об угле Донбасса, вторая — стихотворения и отрывки из произведений, касающихся добычи угля и жизни шахтеров.

Есть две полубеллетристические, полуочерковые книжечки о Донбассе: Сурожский — «Край угля и железа», и Раевский — «Алмазная шахта», изданные в 1926 г., дающие картину недавно восстановленного угольного гиганта.

Из беллетристики стоит прочесть хорошую книжку Свирского (ГИЗ, 1928 г.) «Черные люди» — повесть из быта донецких углекопов.

Ребята! Прочтя эти книги, вы пополните свои знания о Донбассе, его жизни и работе, лучше поймете значение угля в системе нашей промышленности и яснее представите себе всю важность стоящей перед нами задачи.

Деткор Марков

ЮГИЛЕВИЧ и МИНАИН

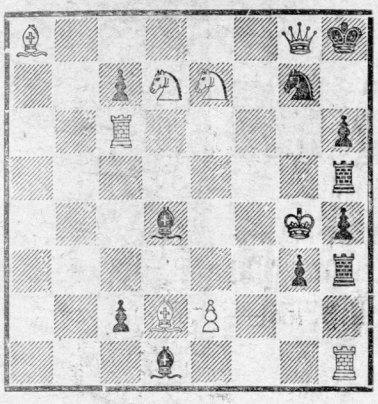
В БОЙ ЗА УГОЛЬ

ВЫЙДЕМ ЗА СТАЛЬЮ,
ВЫЙДЕМ ЗА УГЛЕМ
В ШТУРМ — ДЕНЬ
МАСС.
ДОМНОЮ ВСПЫХНЕМ,
ВРУБОВКОЙ УХНЕМ —
В БОЙ,
ДОН-
БАСС!

А. СВИРСКИЙ

ЮНЫЙ ШАХМАТИСТ

(Под ред. Л. Гугеля).



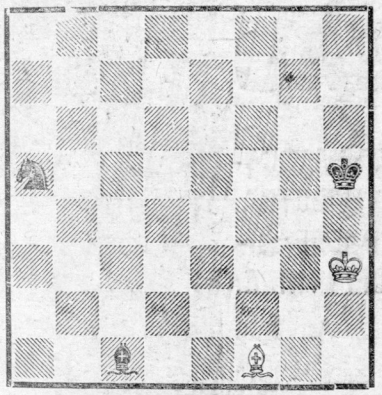
Мат в 2 хода.

КТО РЕШИТ?

ЗАДАЧА № 1

Л. Гугель (Москва)

(Печатается впервые)



Белые выигрывают.

ЭТЮД № 1

(„Вечерняя Москва", 1930 г.)

КОГДА-то в „Пионере" был шахматный отдел. Он давал задачи, этюды, научил многих ребят играть в шахматы. Но уж больше двух лет назад он перестал выходить. Сейчас мы его возобновляем. За два года молчания отдел потерял своих шахкоров. Они выросли, печатаются во взрослых журналах, а один из них даже редактирует вот этот отдел.

Для первого знакомства с новыми читателями он дает свою задачу и свой же этюд; от других составителей он еще ничего не успел получить.

Тот, кто решит правильно задачу и этюд, получит премию. Их решения мы напечатаем через месяц, так что их можно посылать в течение 20 дней. Посылать в редакцию „Пионера".

КАК НАУЧИТЬСЯ ИГРАТЬ В ШАХМАТЫ

Многим хочется научиться играть в шахматы. Хорошо, если есть товарищ, умеющий играть, — он научит. А если его нет? Но и тут выход есть. Так же как вы учите математику, физику, химию, но только скорее и даже без учителя вы можете изучить шахматы по книге. Есть очень много разных учебников по шахматной игре: большие и маленькие, трудные и легкие. Какой из них лучше всего взять? Для совсем не умеющих играть мы рекомендуем „Шахматную азбуку" Грекова и Ненарокова. Она стоит недорого и очень хорошо объясняет все, что нужно начинающему. Но она вышла давно, и ее трудно достать. Легче найти книжку Щукина „Учитесь играть в шахматы и шашки", изданную ГИЗом. Стоит она 40 коп. По ней тоже можно научиться играть в шахматы (и в шашки). В ней говорится даже и о том, как самому сделать шахматы. Эти две книжки самые доступные как по цене, так и по изложению для начинающих. Это — шахматные азбуки. О более глубоких, серьезных книгах мы поговорим после.

Наш отдел тоже будет помогать начинающим шахматистам. Мы откроем широкую консультацию; отдельные интересные и трудные моменты будем освещать в отделе. Будем давать также партии, окончания, этюды, которые помогут совершенствоваться молодым шахматистам.

(Начало „Глей и уголь" см. на 18 стр.)

Мы и пристали к нему:

— Как тебе не стыдно, Гришин. На твоей шахте прорыв, а ты на печи лежишь?

И что же ты думаешь? Отказался от пенсии, пошел в забой и законтрактовался до конца пятилетки. Да еще и других стариков вызвал. Вот читай.

Он протянул мне две газетные вырезки:

ЗАЯВЛЕНИЕ СТАРОГО ЗАБОЙЩИКА

Так как я пенсионер и старый забойщик, проработавший на производстве тридцать три года, вижу, что есть прорыв на угольном фронте, то я как пенсионер мобилизую себя на один год в забой, объявляю себя ударником и вызываю всех пенсионеров-забойщиков последовать моему примеру.

Товарищи горняки, иду обратно с вами в забой выполнять план пятилетки в три года.

Забойщик шахты № 4 — ударник Быченко.

ВЫЗОВ

Я, инвалид труда шахты № 5—6 „Орловка", как старый крепильщик иду работать обратно в шахту и вызываю последовать моему примеру тов. Ткаченко.

Курман.

Уговариваем шахтеров вторую коммуну составить. А уже ладится дело: в 11 лаве не сегодня — завтра новая коммуна объявится. А там, гляди, всю шахту в коммуну переделаем. И тогда не будет человечьего глея — один уголь, такой, как этот.

Он подал мне кусок угля.

В ЗАБОЙ, В ШТРЕК, НА ЭСТАКАДУ

Я шел обратно в Калиевку. Позади меня пирамиду терриконa заслонила гора черного угля и слышно было, как клевали носом вагонетки.

После разговора с Синяевым уже не такими безнадежными казались сводки угольных прорывов.

Синяевых уже тысячи. Скоро будут миллионы. И они к чортовой матери сметут разгильдяйство, проклятую лень, расхлябанность, вредительство — человечий глей.

Редколлегия

Ответств. редактор И. Разин

Главлит № А-83.953. Отпеч. в 7 й тип. „Искра Революции" Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп., 13. З. Т. 2873

20 коп.

50608

„ПИОНЕР“ МЫ НЕ ЧИТАЕМ

ГОВОРЯТ РЕБЯТА, ВОСПИТАННЫЕ НА ЧАРСКОЙ И МАЙН-РИДЕ. ГДЕ СЛЕДОПЫТЫ И ИНДЕЙЦЫ? ГДЕ КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ И РЫЖИЕ ДЕВОЧКИ? ИХ НЕТ В ЖИЗНИ — НЕТ И В „ПИОНЕРЕ“.

„ПИОНЕР“ НЕ ДЛЯ НАС

ГОВОРЯТ РЕБЯТА, СТОЯЩИЕ В СТОРОНЕ ОТ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА. ИМ БЫ РАССКАЗИКИ С РОЗОВОЙ ВОДИЧКОЙ О БАРАШКАХ И КУКОЛКАХ, СКАЗОЧКИ О КЛАССОВОМ МИРЕ.

„ПИОНЕР“ СКУЧЕН

ДЛЯ ТЕХ, КТО СТАВИТ СЕБЕ ЦЕЛЬЮ ЖИЗНИ ЛИЧНОЕ ПРЕУСПЕВАНИЕ, КТО ПОГРЯЗ В МЕЩАНСТВЕ, КТО БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗАБОТИТСЯ О СВОЕМ ЖИВОТЕ И УЮТЕ.

„ПИОНЕР“ БЬЕТ

ПОСОБНИКОВ КЛАССОВОГО ВРАГА;
ДЕЛЯЧЕСТВО;
РАБСКИЕ ТЕМПЫ;
БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ;
ГЛУПОСТЬ;
ЛЕНЬ;
СТАРЬЕ.

ОТВЕТ ДРУЗЕЙ ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“

УВЕЛИЧИМ СВОИ РЯДЫ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На 12 мес.—4 руб.
„ 6 „ —2 „
„ 3 „ —1 „

Цена отдельного номера—15 коп.

НА НОВОМ, ДЕВЯТОМ ГОДУ СВОЕЙ ЖИЗНИ „ПИОНЕР“ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ С ВКЛАДКОЙ, ОТПЕЧАТАННОЙ СПОСОБОМ МЕЦЦО-ТИНТО И УВЕЛИЧЕННЫМ В РАЗМЕРЕ: ВМЕСТО ПРЕЖНИХ 20 СТРАНИЦ В КАЖДОМ НОМЕРЕ БУДЕТ 24 СТРАНИЦЫ.

ДИМ КОНСТАНТИНОВ. 1930.

ОГИЗ